

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXIV.

1892.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Влассова, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
С. А. Вернадскій. О наследованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву	1
Г. В. Форстенъ. Ваттійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (продолженіе).	45
М. С. Куторга. Исслѣдованія по исторіи государственныхъ учреждений Авеннъ (окончаніе).	97
С. О. Ольденбургъ. Въ вопросу объ источникахъ Слова о двѣнадцати оныхъ Шаханши	135
У. де Нунціо. О славянской рукописи Ватиканской бібліотеки № VII	141
Д. О. Кобоко. Гдѣ находится упоминаемый въ лѣтописяхъ городъ Вездежъ?	148
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
Х. М. Лопаревъ. Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros und Kyrillos, bersg. von H. Usener. Leipzig. 1890	156
Д. О. Вѣляевъ. Прокопія Кесарійскаго исторія войнъ римлянъ съ персами, вандалами и готами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса. С.-Пб. 1891	163
И. Никольскій. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Ф. Мартенсъ. С.-Пб. 1892.	176
Н. Вестужевъ-Рюминъ. В. Шекспиръ. Ромео и Юлія. Трагедія. Переводъ Л. А. Кускова. С.-Пб. 1891	190
— Книжныя новости	203
— Наша учебная литература (разборъ 18 книгъ).	1
ОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
— Императорская Академія Наукъ	1
— Наши учебныя заведенія:	
О. М. Керенскій. Медресе Туркестанскаго края	18
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
М. М. Покровскій. Въ вопросу объ авторѣ новооткрытаго трактата 'Αθηναίων Πολιτεία (окончаніе)	49
В. В. Латышевъ. Въ надгробію Ивановы, дочери Главкія	62
В. К. Ершtedтъ. Объ одной воспорской эпитаграммѣ	64
С. А. Селивановъ. О Колофонѣ, Нотіѣ, Кларѣ и о новыхъ надписяхъ Колофонской области	67
М. И. Крашенинниковъ. Эпиграфическія этюды	83

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го ноября).

О НАСЛѢДОВАНІИ ВЪ ВЫМОРОЧНЫХЪ ИМУЩЕСТВАХЪ ПО ЛИТОВСКОМУ ПРАВУ.

I.

Со времени изданія Третьяго Литовскаго Статута въ 1588 году прошло уже три столѣтія; послѣ отиѣны его юридическаго значенія въ 1840 г.—болѣе 50 лѣтъ. Ничего мудренаго, что при этихъ условіяхъ истинное представленіе не только о его содержаніи, но даже о его языкѣ почти совершенно исчезло. Для всякаго русскаго, нѣсколько знакомаго съ Литовскимъ Статутомъ, текстъ его неволью представляется въ видѣ двухъ кварталтовъ съ титуломъ: „Статутъ великаго княжества Литовскаго, съ подведеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ ссылки на конституціи, приличныя содержанію онаго. Переводъ съ польскаго. Въ С.-Петербургѣ. Печатанъ при правительствующемъ сенатѣ 1811 года“. Все здѣсь на первый взглядъ опредѣленно: переводъ съ польскаго, значитъ подлинникомъ долженъ считаться текстъ Статута на польскомъ языкѣ; печатанъ при правительствующемъ сенатѣ, значитъ правительствующій сенатъ принималъ участіе въ изданіи этого Статута: вѣдь правительствующему сенату принадлежитъ обнародованіе законовъ.

Однако въ Полномъ Собраніи Законовъ мы тщетно искали бы Высочайшаго указа сенату объ обнародованіи Литовскаго Статута, а одинъ взглядъ на польскій титулъ объясняетъ съ несомнѣнною ясностью, что слова „печатанъ при правительствующемъ сенатѣ“ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣятельности правительствующаго сената по обнародованію законовъ: въ польскомъ заглавномъ титулѣ сказано „W drukarni Rządzącego Senatu“, то-есть (печатанъ), „Въ типографіи правительствующаго сената“. И только!

Для выясненія вопроса о томъ, какое же изъ существующихъ печатныхъ изданій Литовскаго Статута должно быть признано за официальное, а слѣдовательно, за имѣющее юридически обязательную силу, бросимъ взглядъ на происхожденіе Литовскаго Статута 1588 г. и на условія, при которыхъ появились въ печати различныя его изданія.

Со времени Витовта установился въ Литовскомъ государствѣ обычай, въ силу котораго, при вступленіи своемъ на престолъ, великій князь давалъ населенію великаго княжества Литовскаго жалованную грамоту, въ которой онъ, подтверждая существующія уже права и льготы, обѣщалъ править согласно этимъ правамъ и ни въ чемъ не нарушая дарованныхъ льготъ, таковы, на примѣръ, грамоты: Ягеллы и Витовта отъ 1413 г., Казимира Ягеллона 1457 г., Александра Ягеллона 1492 г., Сигизмунда I 1506 года. Рядомъ съ этими привилегіями для всего государства Литовскаго, великіе князья жаловали грамоты и отдѣльнымъ землямъ великаго княжества, таковы, на примѣръ, дошедшія къ намъ привилегіи земель: Полоцкой отъ 1456 г., Жомойтской отъ 1492 г., Волынской земли отъ 1501 г., Подляшья отъ 1501 г., Витебской земли отъ 1505, Киевской отъ 1507 и Смоленской отъ 1507 года.

Жалуя эти привилегіи отдѣльнымъ землямъ, великіе князья не упускаютъ, однако, изъ виду интересовъ цѣлаго государства. Идеаломъ для нихъ представляется право, одинаковое для всѣхъ частей великаго княжества. Поэтому выдача мѣстныхъ привилегій разсматривается ими лишь, какъ временная мѣра, уступка, подлежащая отиѣнѣ, при изданіи общихъ законовъ для всего Литовскаго государства, такъ, на примѣръ, въ грамотѣ Волынской землѣ отъ 1501 г. Александръ Ягеллонъ говоритъ: „А то имъ маемъ всѣмъ держати тые члонки до тыхъ часовъ, *поки права статуты всеи земли, отчизны нашей, великому князству Литовскому вставимъ*“.

Что такія обѣщанія соответствовали въ началѣ XVI вѣка желанію значительнаго большинства населенія великаго княжества, это видно изъ грамоты Сигизмунда I отъ 1522 года, въ которой онъ говоритъ: „Доселѣ въ нашемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ суды вершились не на основаніи писаннаго права, но правосудіе отиралялось согласно обычаю, а также познаніямъ (*prudenciam*) и совѣсти каждаго судьи, то-есть, сообразно тому, какъ казалось судѣ справедливѣе или правильнѣе, или же неправильнѣе (*conruptus*). Въ виду этого и *попросьбы всеи шляхты (nobilitatis)*, изъ состраданія къ нимъ и побуждаемые ихъ частыми просьбами..., за ихъ постоянную вѣрность къ

намъ и малолѣтнему свѣтлѣйшему сыну нашему Сигизмунду Августу, котораго они единогласно избрали, какъ то и подобало, въ наслѣдника нашего и великаго князя литовскаго... повелѣли мы издать *единое писанное право* и единый законъ, начертанный согласно извѣстнымъ постановленіямъ и грамотамъ (*constitutionibus et statutis*), существующимъ уже въ письменномъ изложеніи“.

Такимъ образомъ, въ удовлетвореніе желанія шляхты, былъ изданъ на Виленскомъ сеймѣ, 17-го ноября 1529 г., *Первый Литовскій Статутъ*, называемый въ отличіе отъ позднѣйшихъ *Старымъ*.

Хотя въ привилегіи 1522 г. Сигизмундъ I и далъ обѣщаніе напечатать Статутъ ¹⁾, но обѣщаніе это не осуществилось: Первый Статутъ дѣйствовалъ въ продолженіе 37 лѣтъ, то-есть, до 1566 года, существуя только въ писанной формѣ.

Значительное количество экземпляровъ этого Статута, сохранившихся до начала XIX вѣка, дало возможность первоначально С. Линде, ректору Варшавскаго лицея, а вслѣдъ за нимъ Иг. Даниловичу, профессору Виленскаго университета, сдѣлать библиографическое описаніе различныхъ рукописей этого Статута. У Линде это описаніе составляетъ лишь приложеніе къ его изслѣдованію о Статутѣ Литовскомъ, описаніе же Даниловича представляетъ обширную статью, помѣщенную первоначально въ журналъ *Dziennik Wileński* за 1823 г., т. I и II, а затѣмъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ сокращеніи, но съ прибавленіемъ изслѣдованія объ источникахъ Статута, въ журналъ *Dorpatser Jahrbücher*, 1834 г., т. II.

Въ 1841 г. эти списки Стараго Литовскаго Статута, приготовленные къ печати профессоромъ Даниловичемъ, появились на русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ въ Познани, подъ заглавіемъ: „Zbiór praw Litewskich“.

Въ 1854 году Московское общество исторіи и древностей напечатало Статутъ 1529 года въ XI книгѣ *Временника* съ рукописи XVII вѣка, хранившейся въ бывшей Виленской академіи.

Подъ вліяніемъ естественнаго развитія жизненныхъ отношеній, съ одной стороны, и перемѣнъ, съ другой стороны, во внутреннемъ управленіи великаго княжества Литовскаго,—перемѣнъ, происшедшихъ въ княженіе Сигизмунда Августа, возникла потребность въ новомъ изда-

¹⁾ Какъ это видно изъ словъ грамоты: „ut que ad notitiam singulorum haec ipse Statuta nostra deveniant, iussimus ea in numerosis voluminibus excudi literis“ (*Działyński, Zbiór praw Litewskich, стр. 123*).

ніи Статута. Въ 1564 году на сеймѣ въ Бѣльскѣ король Сигизмундъ Августъ утвердилъ, разсмотрѣнную и принятую чинами, новую редакцію Статута. Но въ обязательную силу вступилъ этотъ Статутъ только послѣ новаго пересмотра его на Виленскомъ сеймѣ, то-есть, въ 1566 году.

Этотъ Статутъ называется обыкновенно *Волинскимъ*, такъ какъ онъ оставленъ былъ для Волини, то-есть, воеводства Волинскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго, въ качествѣ свода мѣстныхъ законовъ, послѣ присоединенія этихъ воеводствъ къ Польшѣ въ 1569 году. Подобно *Старому Статуту*, и *Волинскій Статутъ* никогда не былъ напечатанъ по своему обнародованію, а существовалъ только въ рукописяхъ и, подобно первому, на языкахъ: русскомъ, латинскомъ и польскомъ. Значительное количество рукописей втораго Статута точно также описано библиографически отчасти С. Линде въ его сочиненіи „*O Statucie Litewskim*“, 1816 года, Варшава; всего же обстоятельнѣе проф. Даниловичемъ въ упомянутыхъ выше статьяхъ.

Равнымъ образомъ Московскому обществу исторіи и древностей принадлежитъ честь обнародованія впервые въ печати текста Статута 1566 года въ 28-й книгѣ *Временника* за 1855 годъ съ копій XVII вѣка.

Одинъ изъ латинскихъ экземпляровъ Статута 1566 года, описанный Линде и Даниловичемъ, хранится въ настоящее время въ Императорской публичной библіотекѣ. Тамъ же имѣется нѣсколько другихъ экземпляровъ русскихъ и польскихъ.

Люблинская унія 1569 года естественно вызвала необходимость въ новомъ изданіи Литовскаго Статута. Уже Люблинская конституція 1569 года назначила для выработки новой редакціи Статута комиссію изъ 14-ти лицъ, а въ руководство имъ было преподано: при исправленіи Статута принять во вниманіе польскій статутъ (какой, не извѣстно) и какъ можно ближе къ нему согласить литовскія права, для того, какъ говоритъ король, „чтобы во всѣхъ владѣніяхъ нашихъ, какъ въ единомъ государствѣ, имѣла мѣсто одинаковая и скорая справедливость“¹⁾. Руководясь этимъ указаніемъ, редакторы Третьяго Статута исправили опредѣленія, касающіяся процесса, пересмотрѣли постановленія о правѣ наслѣдованія и дополнили нѣкоторыя распоряженія выдержками изъ законовъ Моисеевыхъ, каноновъ и права рим-

¹⁾ Vol. legum, t. II, p. 793, годъ 1569.

скаго, пользуясь для этой послѣдней цѣли толкованіями къ *Саксонскому зеркалу* ¹⁾).

На коронаціонномъ сеймѣ 1588 года, января 28-го, король Сигизмундъ III утвердилъ этотъ исправленный Статутъ, опредѣливъ въ то же время, что онъ вступаетъ въ силу только черезъ годъ, то-есть, съ 6-го января 1589 г., съ первой сессіи земскихъ судовъ ²⁾).

1588 года, февраля 11-го, въ Краковѣ, король Сигизмундъ III поручаетъ Льву Сапѣгѣ, подканцлеру великаго княжества Литовскаго, напечатать „законы или статуты великаго княжества Литовскаго по-польски и по-русски, съ воспрещеніемъ кому бы то ни было иному печатать эти статуты великаго княжества Литовскаго, подъ опасеніемъ штрафа въ 5.000 венгерскихъ червонцевъ и конфискаціи всѣхъ книгъ“ ³⁾).

Это королевское порученіе было исполнено Сапѣгою въ томъ же 1588 году. Новый Статутъ появился впервые на *русскомъ* языкѣ, напечатанный въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей.

Существуютъ три русскихъ изданія третьяго Статута, помѣченные всѣ одною и тою же датой, но отличающіяся другъ отъ друга бумагою, болѣе или менѣе четкимъ шрифтомъ, а также количествомъ корректурныхъ ошибокъ, которыя въ позднѣйшихъ изданіяхъ часто искажаютъ смыслъ распоряженій Статута, такъ, напримѣръ, на стр. 12, въ строкѣ 18, въ *первомъ* изданіи находится „по оселого“, а во *второмъ* „оселого“; стр. 15, строка 27, *перваго* изданія „за заказомъ“, во *второмъ* имѣетъ „заказомъ“; стр. 20, строка 7, *перваго* изданія имѣетъ „а не поважаючи“, во *второмъ* „не поживаючи“, и т. д.

Въ 1614 году въ Вильнѣ же появился *переводъ* этого Статута на *польскій* языкъ, также въ типографіи Мамоничей. Что это изданіе есть не что иное, какъ *переводъ* съ русскаго оригинала, видно изъ обращенія къ „любезному читателю“, помѣщеннаго на оборотѣ послѣдней

¹⁾ Отсутствие знакомства редакторовъ Третьяго Статута съ подлинными текстами удовлетворительно доказано пр. Даниловичемъ въ его статьѣ, помѣщенной въ *Dorpatser Jahrbücher*.

²⁾ Въ грамотѣ Сигизмунда III отъ 28-го января 1588 г., предшествующей печатному тексту третьяго Статута, говорится такъ: „Все sprawy судовые, порядкомъ во томъ статуте новокрaвленнѣмъ описаннѣмъ *отправовати почати мають съ року пришлому тысяча пятьсотъ осемьдесятъ девятому о трехъ королевствъ селтерскихъ на рокохъ судовыхъ земскихъ*“...

³⁾ Привилегія короля Сигизмунда III о напечатаніи Статута, помѣщенная на 1 листѣ изданія Мамоничей.

страницы польскаго текста Статута. Переводчикъ, извиняясь за несовершенство работы, говоритъ, что это произошло отъ того обстоятельства, что, желая перевести (текстъ) съ русскаго на польскій слово въ слово, онъ не стремился за новымъ и изящнымъ польскимъ языкомъ, но заботился о вѣрномъ изложеніи и надлежащемъ переводѣ. „Кому же этотъ переводъ не нравится, тому вольно обратиться къ старому русскому тексту“¹⁾.

Изданіе 1614 года ничѣмъ, кромѣ языка, не отличается отъ русскаго изданія 1588 года, нтъ въ немъ ни раздѣленія артикуловъ на параграфы, нтъ приложенія къ тексту Статута выдержекъ изъ конституцій.

Въ 1619 году въ Вильнѣ, также въ типографіи Мамоничей, вышло второе польское изданіе Литовскаго Статута 1588 г., подъ редакціей Гавловицкаго. Въ этомъ изданіи артикулы Статута впервые раздѣлены на параграфы, а въ концѣ каждого артикула приведены выдержки изъ польскихъ конституцій, начиная съ 1550 года. Пособіями Гавловицкому при этой работѣ служили: частный сборникъ польскихъ законовъ Гербурта, артикулы военные 1609 года и конституціи, изданныя въ Краковѣ въ 1616 году Шютровичкомъ²⁾.

Недостатки Статута, неясность его постановленій, противорѣчія, несоотвѣтствіе денежной расцѣнки съ измѣнившимися экономическими отношеніями и т. п., вызывали со стороны литовцевъ долгое время желаніе новаго пересмотра Статута; въ 1682 году (V. leg., t. III, f. 536, № 56), въ 1683 году (ib., t. III, f. 799, Kogrektura praw W. X. L.), въ 1685 году (ibid., t. III, f. 877, Kog. praw) подымаемъ былъ вопросъ и были издаваемы сеймовыя постановленія объ исправленіи Статута, но всѣ эти постановленія привели только къ слѣдующему результату: вмѣсто разсмотрѣнія и утвержденія какой либо *новой редакціи* Статута, конституція 1647 года постановила выпустить *новое изданіе* Статута (V. l., t. IV, f. 108, § 18). „Для потребностей и удобства великаго княжества Литовскаго,—говорится въ этой консти-

¹⁾ „A komu się to przełożenie nie podoba, wolny rekursz do Ruszczyzny starey zostaie“.

²⁾ Въ концѣ этого *второго польскаго* изданія читаемъ: „Надавая въ свѣтъ вторично тотъ же Статутъ великаго княжества Литовскаго, книгу общаго для всѣхъ права (rozpolitego prawa), почтенный читатель, въ виду недостатка экземпляровъ, для нуждъ cadaго (заинтересованнаго) и государства, было намъ неумѣстно отступать въ чемъ либо отъ добросовѣстнаго (взсугдего) перевода съ русскаго, или, вѣрнѣе, славянскаго языка на языкъ польскій“.

туции,—дозволяемъ напечатать Статутъ великаго княжества Литовскаго, какъ право, пужное для тамошнихъ обывателей“. На основаніи этого опредѣленія конституціи было напечатано въ 1648 году, въ Варшавѣ, *третье* польское изданіе, полное опечатокъ и составляющее не что иное, какъ плохую копию изданія 1619 года.

Въ 1691 году іезуиты, получивъ отъ короля Яна III привилегію, напечатали *четвертое* изданіе въ Вильнѣ, согласно съ текстомъ предыдущаго.

Въ 1744 году въ Вильнѣ же, у іезуитовъ, явилось *пятое* изданіе Статута, напечатанное на основаніи привилегіи короля Августа III.

Шестое изданіе Статута, безъ всякаго особаго разрѣшенія, появилось въ правленіе короля Станислава Августа, въ 1786 году.

Изъ всѣхъ изданій это—наименѣе удовлетворительно.

Седьмое польское изданіе напечатано въ С.-Петербургѣ въ 1811 году по частному почину въ сенатской типографіи, съ переводомъ на русскій языкъ. „Переводъ этотъ,—говоритъ профессоръ Даниловичъ ¹⁾,—какъ сдѣланный съ самаго неправильнаго польскаго изданія 1786 года, полонъ грубыхъ и извращающихъ смыслъ ошибокъ“ ²⁾.

Наконецъ, *восьмое* изданіе Статута напечатано въ Вильнѣ въ 1819 году товариществомъ типографовъ въ типографіи Марциновскаго. Единственною заслугою этого изданія Даниловичъ считаетъ то, что оно понизило цѣны на экземпляры 1786 года.

Послѣднее польское изданіе Статута подтверждаетъ тотъ фактъ, что единственнымъ официальнымъ текстомъ былъ русскій текстъ Мамонича, какъ это очевидно изъ перепечатаннаго въ этомъ *восьмомъ* изданіи, на листѣ второмъ, *предисловія къ изданію 1786 года*. „Для того,—говорится здѣсь,—чтобы у пользующихся Статутомъ не возникло никакихъ сомнѣній, разъясняется, что въ виду уничтоженія прежнихъ экземпляровъ войною, огнемъ и долговременнымъ пользованіемъ, печатается нынче *тотъ же самый, а не иной Статутъ* великаго княжества Литовскаго, безъ какой бы то ни было отмѣны или уменьшенія раздѣловъ, артикуловъ, параграфовъ. А такъ какъ въ послѣднемъ варшавскомъ изданіи (то-есть, изданіи 1648 года, вос-

¹⁾ Dz. Wil., т. II, 1828 г., стр. 291.

²⁾ Не говоря о чемъ либо иномъ, достаточно указать на тотъ фактъ, что переводчикъ терминъ „bliżki“, то-есть, родственникъ, переводитъ: то словомъ „родственникъ“, то „близкій сродникъ“. И такая разнорѣчивая передача *термина* встрѣчается въ одномъ и томъ же артикулѣ: напримѣръ, разд. III, арт. 17; разд. V, арт. 2, арт. 9 и т. д.

производящемъ *переводъ русскаго текста на польскій языкъ*, сдѣланный въ 1614 году) сеймовыя конституціи приведены къ соотвѣтствующимъ артикуламъ только съ 1550 по 1647 годъ, то поэтому для большаго удобства читателя, согласно королевскому желанію, выраженному въ привилегіи (на напечатаніе), присоединены конституціи до 1690 года“.

Изъ этого предисловія очевидно также, что и позднѣйшія работы по подведенію подъ соотвѣтственныя мѣста текста сеймовыхъ конституцій были дѣломъ частнымъ. Обязательнаго значенія при пользованіи текстомъ Статута эти конституціи не имѣли потому, что припечатаны онѣ были не въ *силу сеймоваго постановленія*, а по желанію короля. Но въ Польшѣ и Литвѣ законодательная власть съ 1569 г. принадлежала не королю, а сейму — изъ представителей польской и литовской шляхты. Не только *желанія*, но и *предписанія* короля, какъ главы исполнительной власти, имѣли силу административныхъ распоряженій, не болѣе; законы же издавались сеймомъ и только сеймомъ!

Критическое изслѣдованіе всѣхъ изданій Литовскаго Статута, сдѣланное Линде ¹⁾, заканчивается слѣдующими словами: „Такъ какъ Русскій Статутъ есть оригиналъ, а польскій переводъ — частный трудъ, предоставляющій всякому желающему свободное обращеніе къ *русскому подлиннику*, такъ какъ переводчикъ самъ сознаетъ полное несовершенство своей работы, и такъ какъ, не смотря на похвалы, расточаемыя позднѣйшими писателями польскому языку этого перевода, много въ немъ мѣсть, противныхъ польскому языку, много мѣсть непонятныхъ, даже бессмысленныхъ и совершенно противорѣчащихъ оригиналу; принимая, далѣе, во вниманіе, что *каждое польское изданіе*, чѣмъ оно болѣе позднее по времени, тѣмъ большимъ обладаетъ количествомъ ошибокъ, потому что къ ошибкамъ предшествующихъ изданій присоединяетъ свои собственныя; наконецъ, въ виду того, что въ самомъ русскомъ текстѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ (у Мамоничей), находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *ошибки и пропуски*, необходимо новое критическое изданіе самого *русскаго оригинала* Литовскаго Статута 1588 года“.

Это желаніе почтеннаго ученаго и доселѣ еще не осуществилось, какъ не удалось открыть доселѣ того *рукописнаго текста* Третьяго Литовскаго Статута, который былъ утвержденъ на сеймѣ 1588 г. Поэтому и теперь, въ наше время, какъ и въ тѣ времена, когда

¹⁾ S. B. Linde, O Statucie Litewskim, Ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość, Warsz., 1816, in—4°.

Литовскій Статутъ дѣйствовалъ въ качествѣ закона, для правильнаго уразумѣнія его опредѣленій необходимо обращаться къ первоначальному, хотя и несовершенному оригиналу, то-есть, къ *русскому изданію* 1588 г., такъ какъ пользованіе русскимъ изданіемъ доставляетъ единственно правильное, съ юридической точки зрѣнія, основаніе для установленія пониманія тѣхъ или иныхъ опредѣленій Статута, потому, что *единственнымъ, официально признаннымъ текстомъ, оригиналомъ есть позднѣйшимъ изданіемъ Статута*, сама государственная власть Польско-Литовскаго королевства считала русскій текстъ, напечатанный въ 1588 г. у Мамоничей. *Польскій переводъ* 1614 г. и всѣ послѣдующія, скопированныя съ этого текста, изданія были дѣломъ частнымъ, такъ какъ ни одна *изъ сеймовыхъ конституцій не дала* своего утвержденія ни этому переводу, ни этимъ позднѣйшимъ изданіямъ. Русскій же текстъ Статута былъ признанъ источникомъ всего дѣйствующаго въ Литвѣ права государственными чинами и утвержденъ королемъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г.

Въ виду всего указаннаго, не только русскій переводъ 1811 г. съ крайне плохаго польскаго изданія 1786 г., но и всякіе иные переводы, встрѣчающіеся въ официальныхъ изданіяхъ XIX вѣка и сдѣланные съ польскихъ текстовъ Статута, какъ, напримѣръ, переводъ въ запискѣ къ Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 1842 г., I-ое П. С. З., № 16.591, не имѣютъ обязательной силы, какъ сдѣланные съ текстовъ, не согласныхъ съ оригиналомъ закона.

Московскому обществу исторіи и древностей принадлежитъ заслуга обнародованія и Статута 1588 г. по первому, самому исправному его изданію. Сличивъ изданіе Московскаго общества съ наиболѣе исправнымъ экземпляромъ перваго изданія Мамоничей 1588 г., хранящимся въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ, мы нашли его сдѣланнымъ не только строка въ строку, но буква въ букву, а потому и будемъ на него ссылаться, въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, какъ на изданіе точное и общедоступное.

II.

Установивъ, какого рода текстъ Литовскаго Статута долженъ быть признаваемъ за единственный источникъ правильнаго пониманія опредѣленій литовскаго права, обратимся къ разрѣшенію вопроса о томъ, въ какомъ объемѣ дѣйствовалъ этотъ источникъ. Разрѣшеніе этого вопроса необходимо въ виду существующаго мнѣнія, будто бы

опредѣленія *всѣхъ* сеймовыхъ конституцій послѣ 1569 г. распространились и на Литву, имѣя въ ней по всѣмъ дѣламъ то же самое значеніе, какое эти конституціи имѣли въ Польшѣ. Неосновательность подобнаго мнѣнія очевидна уже изъ того, что въ 1569 г. въ Польшѣ не существовало какого либо свода дѣйствующихъ законовъ, такъ какъ Статутъ, выработанный канцлеромъ Ласкиемъ и обнародованный королемъ Александромъ Ягеллономъ, не получилъ сеймоваго утвержденія, а потому и не могъ считаться источникомъ права; въ Литвѣ же въ 1569 г. существовало уже *второе изданіе* Статута, утвержденное на Виленскомъ сеймѣ 1566 г. Поэтому въ моментъ соединенія обоихъ государствъ, „какъ равнаго съ равнымъ и свободнаго съ свободнымъ“, великое княжество Литовское обладало сводомъ своихъ мѣстныхъ законовъ, которые, на основаніи акта Люблинской уніи, были признаны королемъ Сигизмундомъ-Августомъ неприкосновенными, какъ дарованные имъ же самимъ великому княжеству ¹⁾. Если польская государственная власть признавала неприкосновенность мѣстныхъ законовъ даже тѣхъ литовскихъ земель, которыя были присоединены къ Польшѣ, „какъ неотдѣлимый, собственный и настоящій членъ къ первоначальному и собственному тѣлу и головѣ“ ²⁾, какъ земли Подляшская, Волынская и Кіевская ³⁾,—то тѣмъ естественнѣе предполагать признаніе полной автономіи за мѣстными законами великаго княжества Литовскаго, которое соединилось съ Польшею, какъ говорится въ актѣ Люблинской уніи, по свободному соглашенію пановъ, радъ, пословъ и иныхъ чиновъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, которые „послѣ немалыхъ разсужденій учинили лишь *исправленіе* соединенія (двухъ народовъ) и отчасти нарушенной уніи“ ⁴⁾. И дѣйствительно, обращаясь къ тексту Литовскаго Статута 1588 г., изданному послѣ Люблинской уніи, мы уже въ грамотѣ Сигизмунда III объ утвержденіи Статута встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія относительно характера Статута, какъ источника мѣстныхъ законовъ, и затѣмъ относительно пространства дѣйствія его нормъ, а именно: „Паны рады и должностныя лица великаго княжества Литовскаго,—говоритъ Сигизмундъ III, —будучи на генеральномъ сеймѣ нашей счастливой коронаціи, представили намъ къ подтвержденію, отъ имени

¹⁾ Vol leg., t. II, f. 771, § 9.

²⁾ Ib., f. 746, 752, 753.

³⁾ Ib., f. 759.

⁴⁾ Ib., 766—770.

всѣхъ чиновъ, обывателей великаго княжества Литовскаго, Статутъ, то-есть, порядокъ судопроизводства (sic!).. ходатайствуя, чтобы мы подтвердили нашею привилегіею этотъ новоправленный Статутъ вмѣстѣ съ иными ихъ правами и вольностями и приказали издать оный для пользованія всѣхъ чиновъ великаго княжества Литовскаго, *указывая намъ на основаніи конституціи и сеймовыхъ постановленій, что мы обязаны это сдѣлать*¹⁾. „Въ настоящее время,—говорить далѣе король,—посовѣтовавшись съ панами радами нашими и со всѣми чинами *обоихъ народовъ* (то-есть, Польши и Литвы), присутствовавшихъ на генеральномъ сеймѣ нашей коронаціи, *тотъ Статутъ, права великаго княжества Литовскаго*, вновь исправленный, утверждаемъ этою нашею привилегіею и издаемъ для всѣхъ чиновъ великаго княжества Литовскаго на всѣ грядущія времена: *по силъ котораю какъ мы сами, юсударь, такъ и ест иныя чины*, обыватели великаго княжества Литовскаго, *должны поступать*... Клянемся и общаемъ, что съ этого времени во всѣхъ земляхъ и повѣтахъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и судахъ великаго княжества Литовскаго, всѣ дѣла въ судахъ будутъ разрѣшаемы на основаніи этого Статута²⁾. Первый артикулъ перваго раздѣла опредѣляетъ совершенно точно и не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію образомъ, что не только всѣ обыватели всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго, но и всѣ чужеземцы, пребывающіе на территоріи Литовскаго государства, *будутъ судими и управляемы на основаніи только тѣхъ нормъ, которыя изложены ниже въ настоящемъ Статутѣ*³⁾. Точно также заключительный, 37, артикулъ послѣдняго, XIV, раздѣла опредѣляетъ что всѣ дѣла, со времени введенія въ дѣйствіе Статута, разрѣшаемы будутъ единственно на основаніи заключающихся въ немъ опредѣленій.

Опираясь на эти постановленія и слѣдуя общепризнанной теоріи о дѣйствіи законовъ во времени и пространствѣ, мы въ правѣ утверждать, что сеймовыя опредѣленія тогда только имѣли обязательную силу въ великомъ княжествѣ, когда о томъ прямо въ нихъ

¹⁾ Чины великаго княжества имѣли, конечно, въ виду извѣстный 9 § Люблинской униі относительно обязанности вновь избираемаго короля подтверждать всѣ старинныя привилегіи, дарованныя ранѣе землямъ великаго княжества.

²⁾ Ср. Литовскій Статутъ, изд. 1688 г., стр. III и IV.

³⁾ Ib., разд. I., арт. 1: „Мы, господарь, обещуемъ и шлюбуемъ... ижъ всмъхъ княжатъ, пановъ радъ, духовныхъ и светскихъ, пановъ хоругвовныхъ, шляхту, мѣста и всмъхъ подданныхъ нашихъ тыми одними правы и артикулы, въ томъ же статутѣ ниже писанными и отъ насъ данными, судити и справовати маемъ“. Ср. также разд. III, арт. 2, въ началѣ, арт. 32, въ концѣ, и арт. 35; разд. VII, арт. 18.

упоминалось, напримѣръ, конституція 1598 г. „о безпорядкахъ“ дѣйствовала въ Литвѣ потому, что въ ней прямо говорится: „а постановленіе это имѣеть силу какъ въ земляхъ коронныхъ, такъ и великаго княжества Литовскаго“¹⁾. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, разъ въ сеймовой конституціи не упоминается о великомъ княжествѣ, ея постановленія не имѣють никакой силы на Литовской терригоріи. Для избѣжанія недоразумѣній, въ конституціяхъ XVI вѣка обыкновенно поясняется, что именно изъ принятыхъ опредѣленій относится къ Литвѣ; съ 1611 г. прибѣгаютъ къ гораздо болѣе опредѣленному способу выдѣленія конституцій, имѣвшихъ обязательную силу въ Литвѣ: конституціи эти печатаются рядомъ съ коронными подъ особымъ титуломъ, напримѣръ: „Конституція великаго княжества Литовскаго на сеймѣ коронномъ Варшавскомъ“²⁾. Съ этого времени, вплоть до исчезновенія Рѣчи Посполитой, сеймовыя конституціи, коронныя и литовскія, печатаются одна вслѣдъ за другою подъ самостоятельными титулами, показывающими, что одні дѣйствуютъ въ Польшѣ, другія въ Литвѣ; таковы конституціи 1613³⁾, 1616⁴⁾, 1620⁵⁾, 1621⁶⁾, 1649⁷⁾, 1654⁸⁾, 1659⁹⁾, 1661¹⁰⁾, 1667¹¹⁾, 1670¹²⁾, 1673, 1676, 1677, 1678, 1683, 1685, 1690, 1699¹³⁾, 1703¹⁴⁾, 1710¹⁵⁾, 1712¹⁶⁾, 1717¹⁷⁾, 1726¹⁸⁾, 1736¹⁹⁾, 1764²⁰⁾,

1) Vol. leg., t. II, f. 1899, § 6.

2) Vol. leg., t. III, f. 37, § 6 nd., 1611 г.

3) Ibid., f. 196.

4) Ibid., Louf. В. К. Л., f. 306.

5) Ibid., f. § 36 и слѣд., гдѣ имѣется опредѣленіе, что „конституція De securitate iudiciorum короннаго трибунала in toto принимается великимъ княжествомъ Литовскимъ“, f. 378.

6) Ibid., 1428.

7) Vol. leg., t. V, f. 45, 81, 205, 243, 300, 334, 362, 391.

8) Vol. leg., t. IV, f. 145.

9) Ibid., 216.

10) Ibid., f. 310.

11) Ibid., 369.

12) Ibid., f. 460.

13) Vol. leg., t. VI, f. 40.

14) Ibid., f. 59.

15) Ibid., 101.

16) Ibid., 110.

17) Ibid., 150.

18) Ibid., 284.

19) Ibid., 326.

20) Vol. leg., t. VII, f. 56.

1766 ¹⁾, 1768 ²⁾, 1776 ³⁾, 1776 ⁴⁾ годовъ. Наличие этихъ конституцій несомнѣнно доказываетъ, что, не смотря на существованіе общаго сейма, каждый изъ народовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, считалъ себя особымъ народомъ и издавалъ для себя особые законы. Какъ велика была еще въ XVI вѣкѣ рознь между соединенными народами, это можно видѣть какъ изъ нѣкоторыхъ сеймовыхъ опредѣленій, такъ точно изъ различныхъ артикуловъ Литовскаго Статута. Когда въ 1578 г. возникъ вопросъ о Лифляндіи, то сеймъ опредѣлялъ: „съ согласія чиновъ обоихъ народовъ, послать комиссаровъ для полнаго и справедливаго раздѣла Лифляндіи, чтобы окончить это дѣло, согласно королевскому дозволенію и конфирмаціи, и добровольному соглашенію (обоихъ народовъ), опредѣливъ, *какая часть Лифляндіи должна отойти къ Польшѣ и какая къ Литвѣ*“ ⁵⁾. Не менѣе далекими отъ единенія представляются, на примѣръ, и слѣдующія постановленія Литовскаго Статута: „Мы, государь, обязуемся и клятвенно обѣщаемъ, что въ государствѣ нашемъ, великомъ княжествѣ Литовскомъ, и во всѣхъ земляхъ, къ нему принадлежащихъ, не будемъ давать въ собственность или во владѣніе, или пользованіе должностей духовныхъ и свѣтскихъ, замковъ, дворовъ, земель, староствъ, державъ, должностей земскихъ и придворныхъ *не только чужеземцамъ и иностранцамъ, но и сосѣдямъ этого государства*... Но все это мы должны будемъ и обязаны жаловать только *литвъ и руси, жемомити, стариннымъ обитателямъ и уроженцамъ великаго*

¹⁾ Ibid., f. 222.

²⁾ Ibid., 382.

³⁾ Vol. leg., t. VIII, f. 390.

⁴⁾ Ibid., f. 364.

⁵⁾ Vol. leg., t. II, f. 1245. Недурною иллюстраціею этой розни служатъ грамота императора Максимилиана II, данная литовскимъ чинамъ въ 1575 г., съ цѣлью подвинуть ихъ къ избранію на престолъ Польши и Литвы эрцгерцога Эрнеста. Грамота, имѣвшая въ виду привлечь къ Эрнесту большинство избирателей, обѣщаетъ, между прочимъ: (§ 2) *Provinciae a Magno Ducato Lithwaniae avulsae videlicet Volinia Podlascia Kiovia et Bratislavia et quae in unionis formula ad verbum Littwaniae libertatem esse et inhonestam Ducatus illius subjectionem inducere videntur... restituentur et tollentur*; (§ 5) *M. D. Littwaniae dignitates officia omnia et singula... non nisi indigenis Litwaniae tradentur. Indigenam autem non quemvis possessionatum censeri debere sed qui nobilis genere ex progenie quarta in M. D. Littwaniae natus sit Religione in hoc non obstante Graeca. K. T. Eichhorn, Stasunek x. domu Radziwiłłów do domów xiążących w Niemczech. Перевод. Rzuczewski, Wrsz., 1843; стр. 77 слѣд.*

княжества Литовскаго и земель къ нему принадлежащихъ¹⁾). При такого рода условіяхъ, естественно, что въ Литвѣ имѣютъ приложение лишь тѣ изъ сеймовыхъ конституцій, которыя прямо касаются Литвы, постановленія же прочихъ конституцій на Лявву не распространяются. Въ числѣ сеймовыхъ конституцій находится одна весьма важная конституція для опредѣленія вопроса о выморочности имущества. Конституція эта издана въ 1588 г. на томъ же самомъ коронаціонномъ сеймѣ, на которомъ былъ утвержденъ Третій Литовскій Статутъ. Прежде чѣмъ обратиться къ вопросу, примѣнимо ли нѣтъ постановленіе этой конституціи о „кадукахъ“ къ Литвѣ, мы считаемъ нужнымъ указать на то обстоятельство, что въ текстѣ конституціи находится рядъ опредѣленій, прямо противоположныхъ опредѣленіямъ Литовскаго Статута, таковы, напримѣръ, § 10—о выборѣ и присягѣ судьи земскаго и подсудка, § 12—о приданомъ сестеръ, § 18—о выкупѣ заложенныхъ имѣній, §§ 14, 15, 16—о захватѣ и заключеніи въ тюрьму шляхтича, § 18—о дуеляхъ, § 19—о земляхъ шляхетскихъ и т. д. Однако мы знаемъ, что Статутъ со своими опредѣленіями объ этихъ предметахъ продолжалъ существовать, не взирая на конституцію 1588 г. Подобно тому, какъ сличеніе этихъ опредѣленій съ соотвѣтствующими постановленіями Литовскаго Статута показываетъ ихъ полное несоотвѣтствіе между собою, такъ точно сличеніе распоряженій конституціи 1588 г. о выморочныхъ имуществахъ съ постановленіями литовскаго права, а именно съ разд. III, арт. 17, показываетъ, что ограниченіе права наслѣдованія восьмью степеню родства въ обѣихъ линіяхъ не имѣетъ мѣста въ Литовскомъ Статутѣ, въ немъ нѣтъ никакихъ ограниченій въ этомъ направленіи. Поэтому даже тогда, когда бы опредѣленіе конституціи 1588 г. касалось и Литвы (на чтѣ въ конституціи нѣтъ никакого указанія), все-таки опредѣленіе это не имѣло бы юридическаго значенія, такъ какъ Литовскій Статутъ долженъ былъ вступить въ силу, то-есть, сдѣлаться собраніемъ юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ на будущее время²⁾), только съ 6-го января 1589 г.;

¹⁾ Лит. Статутъ 1588 г., разд. III, арт. 12.

²⁾ Понятіе о необратной силѣ закона хорошо извѣстно Литовскому Статуту; стоитъ взглянуть лишь на распоряженіе VII разд., арт. 13, гдѣ говорится: „Ачъ колѣкъ вже порядкомъ сего Статуту нового вси речи отправованы будуть, негли речи застаралые предъ се Вторимъ Статутомъ, за котораго што ся стало, сужопы и свазованы быти мають“. Ср. ниже разд. VII, арт. 5, 11, а главнымъ образомъ ср. разд. XIV, арт. 32 (последній).

поэтому, какъ *новый законъ*, Статутъ Литовскій долженъ былъ бы лишить юридическаго значенія всѣ тѣ опредѣленія конституціи, которыя были бы несогласны съ опредѣленіями Статута по одному и тому же предмету. А такъ какъ артикулъ 17 раздѣла III содержитъ въ себѣ распоряженія о порядкѣ наслѣдованія въ выморочныхъ имуществахъ, то очевидно, что опредѣленіе конституціи 1588 г. по тому же самому предмету должно считаться отмѣненнымъ. Но этого мало! Если мы обратимся къ нѣкоторымъ выраженіямъ того § конституціи 1588 г., который говоритъ о наслѣдованіи въ выморочныхъ имѣніяхъ („о kadukach“), то мы убѣдимся, что законодатель никогда и не имѣлъ въ виду распространенія этой конституціи на Литву: опредѣляя, что имущество шляхтичей, отцовское или материнское, до тѣхъ поръ не считается выморочнымъ, пока къ нему имѣются наслѣдники *обою пола, съ обѣихъ линій до восьмой степени* включительно, конституція постановляетъ, что, въ случаѣ полученія къмъ либо имущества, къ которому имѣются наслѣдники (на основаніи представленныхъ королю ложныхъ свѣдѣній о неимѣніи наслѣдниковъ или о не шляхетскомъ происхожденіи ихъ), „диффаматоръ или доноситель, который бы на этомъ основаніи желалъ предъявить притязаніе на выморочное имущество, да будетъ принужденъ къ возвращенію имущества и наказанъ *судомъ короннаго трибунала*“ ¹⁾.

Какой же судъ разумѣетъ конституція подъ судомъ короннаго трибунала? Для разъясненія этого обстоятельства сдѣлаемъ небольшую историческую справку. Въ 1578 г., въ царствованіе Стефана Баторія было издано сеймовое постановленіе объ избраніи судей *judiciorum generalium ordinariorum Tribunalis Regni* ²⁾. Компетенція этихъ судовъ простиралась только на земли Великой и Малой Польши ³⁾, для великаго же княжества Литовскаго учрежденъ, со-

¹⁾ Vol., leg., t. II, f. 1209 — 1210, § 8, O kadukach... „tedy diffamator albo delator ktoryby za tym chcial praetendere kaduk ma bydz ad revocationem przymuszon, y karan per illud iudicium Tribunalis Regni, wedle prawa“.

²⁾ Vol. leg., t. II, f. 963, § 2.

³⁾ Ibid., § 18. Мѣста судамъ. Въ Великой Польши: Пиотрковъ, къ компетенціи котораго будутъ принадлежать: Познанское, Калишское, Сѣрадское (воеводства), земля Велювская, Лигницкое, Бжеское, Иновлацлавское (воеводства), земля Добжинская, Мазовецкое, Плоцкое, Равское (воеводства). § 14. Въ Малой Польши. Люблинь, къ компетенціи котораго будутъ принадлежать слѣдующіи воеводства: Краковское, Сандомирское, Русское (то-есть, приблизительно теперешняя западная Галиція), Подольское, Люблинское, Бельск^{oe} и Подляшское“.

гласно выработанному литовскими чинами проекту ¹⁾, въ 1581 г. особый высшій судъ—„трибуналъ великаго княжества Литовскаго“ ²⁾, компетенція котораго распространялась на всю Литву. Утвержденный на сеймѣ, снабженный королевскою печатью и подписью, законъ объ организаціи главнаго литовскаго трибунала, порядкѣ судопроизводства въ немъ и т. п., писанъ (и затѣмъ напечатанъ) „согласно правамъ (литовцевъ) русскимъ языкомъ“. Этотъ уставъ, напечатанный по-русски впервые въ 1586 г. у Мамоничей, обыкновенно присоединялся къ печатнымъ текстамъ статута 1588 г., составляя съ нимъ какъ бы одно цѣлое.

Имѣя передъ собою эти данныя, не трудно видѣть, что опредѣленіе конституціи 1588 г. о выморочныхъ имуществахъ не имѣло никакого отношенія къ Литвѣ. Виновные въ сообщеніи королю ложныхъ свѣдѣній подвергались *суду Короннаго Трибунала, компетенція котораго ограничивалась Польшею*, основаніемъ его рѣшеній служили законы, писанные *по-польски*, между тѣмъ какъ для Литвы существовалъ Трибуналъ великаго княжества Литовскаго и законы, писанные *по-русски*.

Въ виду всего указаннаго выше несомнѣнно, что источникомъ права для обывателей великаго княжества Литовскаго въ теченіе всего времени отъ изданія Литовскаго Статута и до паденія Рѣчи Посполитой служилъ именно этотъ Статутъ, сеймовыя же конституціи имѣли силу въ Литвѣ лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ не встрѣчались съ однородными по содержанию опредѣленіями Литовскаго Статута. Признавая Литовскій Статутъ главнымъ источникомъ права въ предѣлахъ великаго княжества, законодатель въ виду несовершенствъ этого свода допускаетъ, однако, существованіе субсидіарныхъ источниковъ права, такъ въ разд. IV, арт. 54, говорится: „Мы, государь, а также главный судъ, воеводы, старосты и чиновники наши: судья, подсудокъ и судъ замковый или придворный и всякій иной, не имѣетъ права судить и постановлять приговоры по собственному усмотрѣнію („зъ головы“), предположенію или на основаніи собранныхъ ими частнымъ путемъ свѣдѣній, но обязаны судить и рѣшать дѣла *только* согласно этому Статуту

¹⁾ Конституція 1578 г., Vol. leg., t. II, f. 969, § 30, оставила великое княжество при „его правахъ“ и дозволила чинамъ великаго княжества, разработавъ проектъ новаго судоустройства на сеймикахъ, дать ему окончательную редакцію на съѣздѣ въ Попогрудкѣ осенью 1578 г.

²⁾ Ibid., f. 1020, артикулы къ праву великаго княжества Литовскаго, § 41.

и артикуламъ, въ немъ изображеннымъ, и на основаніи показаній и обмѣна возраженій на судѣ. *Въ томъ же случаѣ, когда бы въ Статутѣ не оказалось опредѣленій для разрѣшенія даннаго вопроса („а гдѣ бы чего въ томъ Статуте не доставало“), тогда судъ обязанъ разрѣшить дѣло на сколько возможно справедливѣе, согласно своей совѣсти и принимая за образецъ законы другихъ христіанскихъ народовъ“¹⁾.*

Для разрѣшенія вопроса о томъ, что разумѣеть Статутъ подъ „иными христіанскими законами“, мы находимъ указанія отчасти въ самомъ текстѣ Статута, отчасти въ исторіи литовскаго права. Въ разд. V, арт. 20, говорится, что разводы должны быть совершаемы только передъ духовнымъ судомъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежатъ супруги, а въ арт. 22, того же раздѣла, возбраняется вступленіе въ бракъ въ опредѣленныхъ степеняхъ родства, воспрещенныхъ „закономъ божескимъ и христіанскимъ“. Такимъ образомъ, подъ именемъ христіанскихъ законовъ понимаются въ этихъ артикулахъ положенія *каноническаго права*.

Въ Разд. XI, арт. 7, Литовскій Статутъ 1588 г. назначаетъ за убійство родителей наказаніе, заимствованное изъ *римскаго права*. Этотъ видъ казни на столько оригиналенъ, что относительно источника заимствованія не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, лишь нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ казни принадлежатъ Статуту: отцеубійцу зашиваютъ въ кожаный мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, пѣтухомъ, ужомъ и *кошкою* и подвергаютъ утопленію. По римскому праву съ отцеубійцею зашиваютъ въ мѣшокъ обезьяну, по Статуту—кошку. Равнымъ образомъ, въ разд. VIII, арт. 7, исчисленіе причинъ, въ силу которыхъ родители могутъ отречься отъ своихъ дѣтей, заимствовано изъ римскаго права, съ тою только разницею, что вмѣсто 14 причинъ, исчисляемыхъ *римскимъ правомъ*, Статутъ признаетъ только семь, при чемъ заимствованія эти были сдѣланы не изъ Юстіановскаго текста, а изъ толкованій къ Саксонскому зеркалу. Мы видѣли уже выше, что редакторамъ Статута 1588 г. было вмѣнено въ обязанность привести Литовское право къ возможно большому единенію съ правомъ польскимъ; если же мы обратимся затѣмъ къ историческимъ свидѣтельствамъ, то увидимъ, что уже въ древнѣйшей гра-

¹⁾ Лит. Стат., 1588 г., разд. IV, арт. 54: „Судъ, прихлянучися до ближшое справедливости водле сумненя своего и прикладомъ иныхъ правъ христіанскихъ то отправати и судити маеть“. Ср. разд. III, арт. 2.

мотѣ, пожалованной В. Ягелломъ своему удѣлу и землямъ своего брата Скиргайла въ 1387 г., предоставляется боярамъ этихъ областей право распоряженія принадлежащею имъ недвижимою собственностью на тѣхъ же основаніяхъ, какъ *шляхтичамъ Польскаго королевства* ¹⁾. То же повторяетъ знаменитая земская привилегія 1413 г. въ Городлѣ ²⁾ и другія жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ, напримѣръ, жалованная грамота Казимира Ягеллона отъ 1457 г., Александра Ягеллона отъ 1492 г., Сигизмунда I отъ 1506 года.

На основаніи всего указаннаго, мы въ правѣ утверждать, что Литовскій Статутъ *подъ именемъ законовъ друиныхъ христіанскихъ народовъ понималъ, ближайшимъ образомъ, нормы правъ каноническаго, римскаго и польскаго* и позволялъ прибѣгать къ нимъ, въ случаѣ неполноты собственныхъ опредѣленій.

Было бы, впрочемъ, неправильнымъ думать, что Литовскій Статутъ признаетъ въ качествѣ субсидіарнаго права только иноземные источники. Ничуть не бывало: Третій Статутъ предоставляетъ отмѣненнымъ имъ прежнимъ редакціямъ 1529 и 1566 года, а равно и земскому обычаю, то же самое значеніе вспомогательныхъ источниковъ, какъ и нормамъ иностраннымъ. Въ разд. III, арт. 17, говорится, что сыновья и дочери наследство „звычайемъ стародавнимъ и тежъ Статутомъ Первымъ и теперешнимъ мають посягнути и одержати“.

III.

Указавъ въ предыдущей главѣ, что одинъ только русскій текстъ Литовскаго Статута 1588 г. есть несомнѣнный источникъ для выясненія юридическихъ принциповъ литовскаго права, и что Литовскій Статутъ, въ качествѣ утвержденного законодательною властью сборника мѣстныхъ законовъ, опредѣлялъ всѣ юридическія отношенія въ Литвѣ, перейдемъ къ рѣшенію вопроса о наследованіи въ выморочныхъ имѣніяхъ. Не имѣя надобности входить въ разсмотрѣніе общихъ принциповъ наследованія по Литовскому праву, такъ какъ по этому предмету имѣется обстоятельное изслѣдованіе покойнаго профессора Московскаго университета Бѣляева ³⁾, мы остановимся лишь

¹⁾ *Dziatynski*, Zbiór praw Litewskich, Poz., 1841 г., р. 1.

²⁾ *Ibid.*, стр. 7 слѣд.

³⁾ *И. Бѣляевъ*, О наследствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ, до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Москва, 1858. Вопросу о наследованіи по закону въ Юго-Западной Руси посвященъ конецъ книги, стр. 117—140.

на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ наслѣдованія, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ нашей задачѣ.

Старинное начало, признанное еще Русскою Правдою, въ силу котораго къ наслѣдованію въ боярской собственности призывались, въ случаѣ отсутствія сыновей, дочери, находятъ себѣ мѣсто въ древнѣйшихъ памятникахъ литовскаго законодательства. Въ Городельской привилегіи 1418 г. говорится ¹⁾: „По смерти отца, дѣти не будутъ лишены наслѣдственнаго имущества, но будутъ имъ обладать со своими наслѣдниками подобно тому, какъ бароны и шляхта королевства Польскаго владѣютъ своими имуществами и распоряжаются оными по своему благоусмотрѣнію“. Что въ этой грамотѣ подъ словомъ *дѣтей* разумѣются *дѣти обою пола*, это видно изъ привилегіи Казимира Ягеллона отъ 1457 г. ²⁾, въ которой онъ подтверждаетъ населенію великаго княжества Литовскаго права, дарованныя великими князьями Витовтомъ и Сигизмундомъ. Только что приведенныя нами привилегіи признаютъ и другой старинный русскій принципъ, въ силу котораго имущество матери составляло ея особую, самостоятельную собственность, такъ какъ въ Городельской привилегіи говорится: „Предоставляется имъ (панамъ, шляхтѣ и боярамъ) *назначать своимъ женамъ обезпеченіе приданнаго* на земляхъ и деревняхъ, какъ наслѣдственныхъ вотчинахъ, такъ и (въ имѣніяхъ) пожалованныхъ нами въ вотчину“ ³⁾. Эти положенія легли въ основу наслѣдственного права въ томъ видѣ, какъ оно впервые сведено въ одно цѣлое въ Литовскомъ Статутѣ 1529 года. Артикуль 9, III раздѣла, изъ котораго сложился впоследствии 17 арт. III разд. Литовскаго Статута 1588 г., есть не что иное, какъ дословное по-

¹⁾ Vol. legum, t. I, p. 66—70, § VI, въ концѣ: „Item, post mortem patris, *liberi non debent bonis haereditariis privari, sed ea cum suis successoribus possidere, prout barones et nobiles regni Poloniae sua possident et in usus convertunt beneplacitos*“.

²⁾ *Dzialynski*, Zbior praw Litewskich, стр. 82, § VIII: „Item, post mortem patrum, *pueri (!) sexus utriusque a bonis haereditariis non debent alienari*“, или, какъ говорится въ древне-русскомъ текстѣ этой привилегіи (тамъ же, текстъ рядомъ): „И тежъ по смерти отцовъ, *дѣти какъ мужичины, такъ и жены* отъ имѣней отчизныхъ не мають быть отдаиваны“...

³⁾ Ibid., стр. 18, § VII: „Similiter uxoribus suis *dotatitia* in bonis et villis, quas ex successione paterno vel concessione nostra perpetua habuerint vel fuerint habituri, poterint assignare“....

втореніе распоряженія жалованныхъ грамотъ Витовта, Казимира и ихъ преемниковъ ¹⁾.

Обыкновенно признается, что основной принципъ наследованія въ отцовской собственности выраженъ въ 14 арт. VII раздѣла Третьяго Литовскаго Статута. Здѣсь говорится:

„Постановляемъ, что всякое материнское имущество, оставшееся по смерти матери безъ надлежащаго завѣщанія, какъ недвижимое, такъ и движимое, то-есть, наличныя деньги, золото, серебро, жемчугъ, драгоценныя камни, платье и всякаго рода наряды, (а также посуда) оловянная, мѣдная, лошади, экипажи, ковры, занавѣсы и всякія иные предметы домашняго обихода, также и материнское приданое, которое не было бы никому уступлено на основаніи письменнаго документа—все это идетъ въ раздѣлъ поровну между всѣми дѣтьми, какъ сыновьями, такъ и дочерьми. Имущество же, оставшееся послѣ отца, какъ въ имѣніяхъ недвижимыхъ, такъ и въ движимости, переходитъ *только* къ сыновьямъ и родственникамъ со стороны отца (по мечу), такъ какъ объ этомъ опредѣлено въ другомъ мѣстѣ; въ особенности же, еслибы это имущество не было передано кому либо письменнымъ актомъ (при жизни) или же по завѣщанію“.

На первый взглядъ, распоряженіе этого артикула отличается безусловною опредѣленностью: наследуютъ въ отцовскомъ имуществѣ только братья и родственники со стороны отца. Однако, подобное категорическое устраненіе дочерей отъ наследованія въ отцовскомъ имуществѣ не только противорѣчитъ указаннымъ нами ранѣе стариннымъ принципамъ литовскаго права, но равнымъ образомъ несогласимо и съ опредѣленіями самого Статута 1588 г. Устанавливая, повидимому, совершенное исключеніе дочерей и родственниковъ со стороны матери отъ наследованія въ отцовскихъ имуществахъ, арт. 14, разд. VII, ссылается на то, что это устраненіе опредѣлено ближайшимъ образомъ „въ другомъ мѣстѣ“. Обращаясь къ тѣмъ артикуламъ Статута, которые опредѣляютъ порядокъ наследованія въ имуществахъ отцовскихъ и материнскихъ, мы встрѣчаемъ прямо относящійся къ этому вопросу арт. 17, разд. III. Сравнивая, однако, распоряженія этого артикула съ только что указанными, мы должны допустить, что распоряженія арт. 14, разд. VII, о признаніи наслед-

¹⁾ Различіе заключается лишь въ томъ, что вмѣсто словъ „бароны и шляхта королевства Польскаго“, арт. 9, III разд. 36 Статута 1529 г. имѣетъ „княжата панн хорюговны, шляхта и мѣщане великаго княжества Литовскаго“.

никами въ отцовскомъ имуществѣ *только* сыновей и родственниковъ съ отцовской стороны есть или результатъ неудовлетворительной редакціи текста, или просто корректурная опечатка. Если мы предположимъ, что слово „только“ не опечатка, а дѣйствительно находилось въ подлинномъ рукописномъ текстѣ Третьяго Статута, то все-таки распоряженіе 14 артикула должно быть понимаемо, какъ устраняющее дочерей отъ права наслѣдованія не безусловно, а только въ томъ случаѣ, когда есть на лицо наслѣдники *мужскаго пола*. Такое пониманіе 14 артикула опирается на слѣдующія слова 17 артикула: „А, еслибы Господь Богъ допустилъ, чтобы всѣ братья умерли и ни у кого изъ нихъ не осталось потомства, или хотя бы и было, но потомъ пресѣлось, тогда всѣ имущества, доставшіяся *отцу по наслѣдству*, а также и *приобрѣтенныя всякими иными способами, переходятъ по наслѣдству къ дочерямъ и изъ потомству*“.

Слѣдовательно, выраженіе 14 артикула „*только къ братьямъ*“ должно быть понимаемо такъ: отцовское имущество переходитъ въ обыкновенномъ порядкѣ наслѣдства къ братьямъ, если же братьевъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ и къ сестрамъ. Сестры наслѣдуютъ не въ обыкновенномъ порядкѣ, а въ случаѣ отсутствія братьевъ. Поэтому, предполагая, что законодатель мыслить логически и выражается грамматически, мы должны допустить, что сомнительное слово 14 арт., V разд. „*только*“ имѣеть то же самое значеніе для остальной части фразы, которое оно имѣло для первой, и что второе дополненіе стоитъ къ сказуемому въ томъ же отношеніи, какъ и первое, а именно слова: „отцовскія имѣнія переходятъ по наслѣдству „*только*“ къ родственникамъ *съ отцовской стороны*“, — имѣютъ точно такой же смыслъ, какой они имѣли по отношенію къ братьямъ, то-есть, какъ тамъ слово „*только*“ не имѣеть безусловнаго значенія и сестры наслѣдуютъ въ отцовскомъ имуществѣ, когда нѣтъ братьевъ, такъ точно и здѣсь слово „*только*“ не имѣеть безусловнаго значенія, и когда нѣтъ родственниковъ со стороны отца, то наслѣдуютъ родственники со стороны матери.

Для доказательства нашего положенія обратимся къ болѣе близкому разсмотрѣнію распоряженій 17 артикула III-го раздѣла.

Отвергая офіціальное значеніе всѣхъ польскихъ текстовъ, съ которыхъ сдѣланы всѣ существующіе переводы, мы прежде всего приведемъ русскій текстъ этого артикула по изданію Мамоничей 1588 г., а затѣмъ предложимъ свой переводъ этого текста на современный русскій языкъ.

Подлинный русский текст Третьяго Литовскаго статута.

Раздѣлъ III, артикулъ 17. „По смерти отцовъ и матокъ и иныхъ кровныхъ и близкихъ ихъ детей и потомковъ и близкихъ дедичества спадку выслуги и всякого набытъя а неотдаляти и о спадку на насъ юсподара по безъпотомнымъ. Тежъ уставуемъ ижъ по смерти отцовъ и матокъ дети ихъ сынове и дочки отъ отчизны и материзны не мають быти отъдалены але они сами и ихъ щадки властные кровные и близкие правомъ приржонымъ и слушне набытымъ звычаемъ стародавнымъ, и тежъ статутомъ первымъ и тепѣршнимъ, мають посегнути и одержати и тые добра на пожитокъ свой оборочати вечными часы. А то жъ се тежъ будетъ розумети о близкостяхъ спадкохъ выслугахъ и всякомъ набытью подлугъ права, а то тымъ обычаемъ, естли бы было колько братья сестръ ржонныхъ выданныхъ або не выданныхъ замужъ, а тые бы братья межи собою отчизною и куплею которіе се в отчизну нмъ оборочати маеть поделилисе, або еще и не поделилисе, а который бы з нихъ умеръ, не зоставившы по себе плоду, тогда его часть отчизны и купли толко на братью приходить и на ихъ потомство, а на сестры только выправа с четвертое части всякого имения отчизного и купленого, и то естли бы которой передъ тымъ з нихъ за мужъ по смерти отцовской идучи отъ тое братьи не была дана. А естли бы была материзна, тогда мають братья зъ сестрами ровню поделити межи собою, пак ли бы панъ Богъ допустилъ, же бы оные братья померли вси, а в жадного потомства по нихъ не зостало, а хотяжъ бы и было, а потомъ се звело, тогда оная вся отъчизная, и всякимъ обычаемъ набытые имения, за се на сестры и на ихъ потомства спадывають, нижли естли бы еще такъ же панъ Богъ допустилъ, жебы оныхъ братей и сестръ а ни ихъ потомства и щадковъ не зостало, тогда оная отчизна ихъ вся такъ же всякимъ обычаемъ слушне набытые имения и маетность маеть на близкихъ спадывати, который есть на близший до отчизны до материзны наблизшие по мечу водлугъ того жъ поступку, такъ же тежъ и материстое маеть спасти на тыхъ, которые будутъ до материстого имения наблизшие по матъце оныхъ змерлыхъ, естли бы черезъ нихъ кому слушнымъ записомъ не было заведено, кроме тыхъ, которые безъ потомковъ близкихъ щадковъ и наследковъ своихъ зомрутъ, ни на кого права своего приржонного выслужонного и набытого не вѣлившы и не за-

писавшы, бо по тыхъ и такимъ обычаемъ имень спадкомъ на речъ посполитую, и на насъ, господара великого князя, и потомковъ нашихъ великихъ князей литовскихъ приходить и приходить будутъ“.

Переводъ на современный языкъ.

„По смерти отцовъ и матерей и иныхъ родственниковъ со стороны отца и со стороны матери („кровныхъ и близкихъ“), ихъ дѣти и потомки, родственники не будутъ устраняемы отъ наследованія въ вотчинахъ, въ выслуженныхъ имѣніяхъ и во всякомъ благопріобрѣтенномъ имуществѣ. И о наследованіи насъ, государя, послѣ лицъ, не имѣющихъ родственниковъ“.

„Также постановляемъ, что по смерти отцовъ и матерей ихъ дѣти, сыновья и дочери, не будутъ устраняемы отъ наследованія въ имѣніяхъ отцовскихъ и материнскихъ, но они сами и ихъ собственное потомство, родственники со стороны отца и родственники со стороны матери („кровные и близкіе“), предъявляютъ претензіи и получаютъ оныя имущества, соотвѣтственно праву родства и пріобрѣтенію надлежащимъ путемъ, согласно стародавнему обычаю, а также (распоряженіямъ) прежняго Статута и нынѣшняго, и обращаютъ оныя имущества на свою пользу навсегда. То же самое будетъ разумѣемо относительно наследованія въ прямой и боковыхъ линіяхъ, въ имѣніяхъ выслуженныхъ и во всемъ, пріобрѣтенномъ согласно опредѣленіямъ права, а именно: еслибы было нѣсколько родныхъ братьевъ и сестеръ, выданныхъ уже или еще не выданныхъ замужъ, а оныя братья подѣлились уже или еще не подѣлились между собою отцовскимъ родовымъ имуществомъ и имѣніями, купленными отцомъ, *которыя для нихъ становятся родовой собственностью*, и одинъ изъ братьевъ умеръ, не оставивши послѣ себя дѣтей, тогда его доля отцовскаго родоваго и благопріобрѣтеннаго имущества поступаетъ только къ братьямъ и ихъ потомству; сестрамъ же выдѣляется изъ четвертой части всего отцовскаго имущества, родоваго и благопріобрѣтеннаго, только приданное, и это лишь въ томъ случаѣ, когда которой нибудь изъ сестеръ, при выходѣ ея замужъ послѣ смерти отца, не было дано братьями приданаго. Въ материнскомъ же имуществѣ братья должны раздѣлиться съ сестрами поровну. А еслибы поущемъ Божиимъ всѣ братья умерли и ни у кого изъ нихъ не осталось потомства, или хотя бы и было, но потомъ прекратилось, въ такомъ случаѣ всѣ отцовскія родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія наслѣ-

дуютъ сестры и ихъ потомство. Но еслибы попущеніемъ Божиимъ не осталось бы ни братьевъ, ни сестеръ, ни ихъ потомства, даже и самаго отдаленнаго, тогда всѣ перешедшія къ нимъ отцовскія родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія и имущества переходятъ по наслѣдству къ родственникамъ, къ тому изъ нихъ, кто болѣе близокъ по родству къ имуществу отцовскому и материнскому со стороны отца, сообразно указаннымъ выше основаніямъ; точно также и материнское имущество переходятъ по наслѣдству къ тѣмъ, которые будутъ наиболѣе близкими родственниками къ матери умершихъ безъ потомства братьевъ и сестеръ, за исключеніемъ того случая, когда они передали это имущество кому либо (изъ не имѣющихъ права на наслѣдованіе) письменнымъ документомъ, надлежащимъ образомъ совершеннымъ. Что же касается тѣхъ лицъ, которыя умрутъ безъ потомства, родныхъ со стороны отца и со стороны матери, самыхъ отдаленныхъ нисходящихъ и наслѣдниковъ своихъ, никому не передавъ и (ни за кѣмъ) не утвердивъ письменными актами своихъ наслѣдственныхъ, пріобрѣтенныхъ службою и иными способами, правъ, — то при этихъ условіяхъ имѣнія (ихъ) поступаютъ и будутъ поступать наслѣдственнымъ порядкомъ къ Рѣчи Посполитой и къ намъ, государю великому князю, и потомкамъ нашимъ, великимъ князьямъ литовскимъ⁴.

Предложенный нами переводъ можетъ показаться, на первый взглядъ, чрезчуръ свободнымъ, въ особенности же передача терминовъ Статута „кровные и близкіе“ словами „родственники со стороны отца и родственники со стороны матери“. Для провѣрки правильности этого перевода обратимся къ установленію точнаго значенія тѣхъ терминовъ, которые употребляются въ 17 арт., разд. III, для обозначенія лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, въ силу родственной ихъ связи съ наслѣдодателемъ. Мы не будемъ, конечно, останавливаться на терминахъ, не подлежащихъ сомнѣнію, каковы: „отецъ, matka, сынъ, дочь, дѣти, потомство“, но примемъ во вниманіе лишь тѣ, которые могутъ подать поводъ къ сомнѣніямъ, таковы: „щадокъ, кровные, близкіе“¹).

¹) Разд. III, арт. 17: „По смерти отцовъ и матокъ и чинахъ кровныхъ и близкихъ ихъ детей и потомковъ и близкихъ дедичества спадку выслуши и ес-ли како набытъ а не отдавати . . .

„Тежъ уставуемъ, ижъ по смерти отцовъ и матокъ дети ихъ сынове и дочки отъ отчяны и матерыны не мають быти отдалены, але они сами и ихъ шадки

Остановимся прежде всего на словѣ „щадокъ“.

Это старинное слово, вышедшее нынче изъ употребленія въ русскомъ и польскомъ языкахъ ¹⁾ и удержавшееся только въ малороссійскомъ языкѣ ²⁾, означало въ литературномъ западно-русскомъ языкѣ въ концѣ XIV, XV и началѣ XVI вѣковъ „самое отдаленное потомство“, какъ видно, напримѣръ, изъ грамоты короля Ягелло отъ 1394 г., іюня 29-го, въ которой онъ, жалуя своему слугѣ Данилу Дажбоговичу Заdereвицкому разныя селенія, говорить: „а при томъ всемъ оставляемъ его и его дѣтки, и его намѣстки, и его щатки на вѣки вѣкомъ, непорушно никимъ“. Изъ ряда документовъ XV и XVI вѣка, которые мы приводимъ въ примѣчаніяхъ, видно, какимъ образомъ слово „щадокъ“ постепенно выходитъ изъ оборота, замѣняясь словомъ „потомство“ ³⁾. Поэтому

властные кровные и близкие мають одержати“ . . . и въ концѣ артикула: „. . . . кроме тыхъ, которые безъ потомковъ близкиихъ щадковъ и наследковъ своихъ зомрутъ“.

¹⁾ Въ польскомъ языкѣ, ср. *B. Linde, Słownik języka Polskiego*, 1858, стр. 426. слову „щадокъ“ соответствуетъ вышедшее теперь изъ употребленія слово *Szczątk*, *Szcządk*, *Szczątek*, . . . оно обозначаетъ: „небольшой остатокъ“, „малость“, *ein kleiner Ueberrest*, *ein kleines Bischen*. Слово *Szczątek*, употребленное въ его крайне рѣдкомъ, первоначальномъ, значеніи *progenies* (поколѣніе, потомство), встрѣчается въ старинной брошюрѣ 1564 г. „*Rozmowa Polaka z Litwinem*“, изд. др. Гр. Корженевскимъ. Ср. рецензію на него известнаго слависта пр. Брюкнера въ *Kwartalnik historyczny*, 1891, р. 856.

²⁾ *Ев. Желиговскій*, Малорусско-нѣмецкій словарь, Льв., 1886, „щадокъ“ „потомство, отрасль“, также „остатокъ, Ueberrest, мощи“.

³⁾ Въ 1499 г., января 16-го, великій князь Александръ Ягеллонъ въ подтвердительной грамотѣ на Слуцкѣ и Копыль говоритъ, что онъ жагуеть эти имѣнія князю „Семену Михайловичу Слуцкому, ему, его жонѣ и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будущимъ щадкомъ“. Ср. Акты Запади. Россіи, изд. археогр. комиссін, т. I, №№ 218, 221, 222, т. II, №№ 33, 70. Акты Южной и Запади. Россіи, т. I, №№ 42, 49, 70; т. II, №№ 72, 77, 78. Въ частности, въ грамотѣ королевы Елены отъ 1507 г., декабря 15-го, сказано: „подтверждаемъ тые дворы . . . вѣчно ему, его жонѣ и ихъ дѣтемъ и на потомъ будущимъ ихъ щадкимъ и близкимъ ихъ“. Въ № 49 говорится: „вольна княгиня Семенова Михайлова, княгини Настисы Слуцкая и ее дѣти, и ихъ близкии, и на потомъ будущи ихъ щадки тое имѣние Коворичи . . . отдати и продати и замѣнити“. Въ № 75 сказано, что имѣніе пожаловано боярину Адаму Федоровичу „ему самому и жонѣ его и ихъ дѣтемъ и потомкамъ ихъ будущимъ, щадкамъ“, 1524 г., мая 11-го. Въ грамотѣ Мстиславскаго князя Михаила Ивановича, № 97, отъ октября 1533 г., говорится объ уступкѣ имѣнія „ничого на себе и на дѣти и на потомки и на близкии свои не оставляючи“. № 112, 1543, февраля 9-го, подтверждается имѣніе „кн. Фед. Андр.

употребленіе въ 17 артикулѣ, III разд., обонхъ словъ: „потомство и щадки“, заставляетъ предполагать, что словомъ „щадки“ редакторы хотѣли подчеркнуть отсутствіе ограниченій права наследованія какою бы то ни было степенью родства, что, впрочемъ, и помимо того совершенно ясно вытекаетъ изъ всѣхъ распоряженій этого артикула. Что слову „щадокъ“ придавался именно указанный нами смыслъ, это видно изъ того обстоятельства, что всѣ рукописи Волынскаго Статута въ спискахъ XVII и XVIII столѣтій какъ русскія, такъ и польскія передаютъ конецъ 17 арт., III разд., такъ: „а еслибы потомства, близкихъ, щадковъ изъ сядковъ (наслѣдковъ) и *надальшаю вжсебы въ поколѣтню* кровныхъ близкихъ не достало и никому отъ нихъ записано и заведено не было, тогда и тымъ и по таковымъ обычаемъ имѣнья на насъ, господара великаго князя литовскаго... приходити будутъ“¹⁾.

Обратимся теперь къ выясненію значенія терминовъ „кровные и близкіе“.

По словамъ извѣстнаго знатока древняго польскаго права, недавно умершаго Р. Губе, въ польскихъ актахъ XIV вѣка, „ближайшіе родственники носятъ обыкновенно названіе *amici*... Наиболее отдаленные встрѣчаются подъ общимъ нарицательнымъ терминомъ, напримѣръ, кровные (*consanguinei*). Чѣмъ ближе кто къ данному лицу, по сравненію съ другими родственниками, тѣмъ большими правами пользуется онъ въ силу этой близости, называемой по-латыни *propinquitas, jus propinquitatis*“²⁾.

Совершенно въ такомъ же значеніи встрѣчаются оба эти слова въ литовскихъ юридическихъ памятникахъ, такъ, въ привилегіи Казимира Ягеллона отъ 1457 года говорится въ § IX: „*Si vidua... ad secundas convolare voluerit nuptias... pueri in bonis paternis remanere de-*

Сонгушкѣвичу, маршалку Волынской земли, старостѣ Володимирскому, и „его воегнии, и дѣтемъ, и на потомъ будущимъ имъ *щадкомъ и близкимъ*“. № 129: пожаловано имѣніе князю Пронскому, „его милости самому, его милости воегнии, дѣтемъ и *потомкамъ* ихъ милости“. № 141: пожаловано имѣніе „мужу, женѣ, дѣтемъ и *потомкамъ* ихъ“ (1560). Ср. № 182, 1562, №№ 199, 203, 205.

¹⁾ *Временникъ Московскаго общества исторіи и древностей*, т. 23. Рукопись Второго, или Волынскаго, Статута, съ которой онъ напечатанъ во *Временникѣ*, послана Василіемъ Усовичемъ, магистратскимъ писаремъ и присяжнымъ спидникомъ вѣвскимъ, жившимъ въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка.

²⁾ *R. Hude, Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku*, Warszawa, 1886, стр. 119.

bent. Et si pueri non fuerint, tunc *propinqui* prioris mariti“¹⁾),—что передано въ современномъ русскомъ текстѣ такъ: „Ажь, пакъ, не будетъ дѣтей первого мужа, ино *ближнимъ* имѣнье первого мужа“²⁾).

Въ грамотѣ Александра Ягеллона отъ 1492 года слово *propinquus* уже отождествляется съ словомъ *consanguineus*: „Не дозволено будетъ,—говорится въ этой грамотѣ,—никому, въ ущербъ *кровнымъ* или *ближнимъ*, выкупать *наслѣдственныя* имѣнія; но пусть тотъ, кто болѣе близокъ, уплативъ деньги, вступаетъ во владѣніе *наслѣдственными* имѣніями“³⁾).

Обращаясь затѣмъ ко всемъ тремъ Литовскимъ Статутамъ, мы видимъ, что уже съ Перваго Статута 1529 года термины „близкій и кровный“, повсюду замѣняя другъ друга, постоянно употребляются для выраженія понятія родства въ самомъ обширномъ его смыслѣ⁴⁾).

¹⁾ *Dzialynski*, стр. 32.

²⁾ Акты Западной Россіи, т. I, № 61.

³⁾ *Dzialynski*, в. и. соч., стр. 65, § XXXVII. „*Bona haereditaria a propinquis non redimenda*“. — Item a *consanguineis et propinquis* bona haereditaria alicujus non redimemus neque ea aliquis redimere debet in praesudicium ipsorum *consanguineorum vel propinquorum*, sed solummodo iste, qui *propinquior* extiterit, hereditatis pecuniis *bona haereditaria* obtinebit et possidebit.

⁴⁾ *Первый Литовскій Статутъ 1529 года*, изд. Дзялынскаго, ср. также изд. Моск. Общ. Ист. и Древн., *Времени*. кн. 17. *Разд. IV, арт. 12*: „А естлибы (дѣвица) мѣла лѣта свои и *братя* або *стры* задержали а не хотѣли бы ее замужъ выдати, тогда маеть ся втечи до *иныхъ кровныхъ* своихъ або до владу. А владъ, або *кровные* мають доволити замужъ пойти; а она за волею владу, або *ближнихъ* своихъ замужъ пойдетъ, тогда таковая имени не маеть тратити; а безъ воли владу або *ближнихъ*, хотя бы лѣта мѣла, замужъ пойдетъ, тогда имѣне тратитъ“. Едва ли нужно доказывать, что здѣсь *кровные* отождествляются съ *ближними*, и что и тѣ и другіе представляютъ отдаленныхъ родственниковъ.

Второй Литовскій Статутъ 1566 года, изд. Моск. Общ. Ист. и Древн., *Времени* кн. 23, по списку конца XVI или начала XVII вѣка, *разд. V, арт. 10*, говоритъ слѣдующее: „А гдѣ бы она (идова), и потомъ будучи на вдовьемъ столці, дѣтямъ имѣнья скарбы утрачала, тогда *стриеве*, або *ближние* мають ее притягнути передъ урядъ земскій на роць певный, яко на завитый, и доведуть ли того же утрачала, маеть опеку и имени и дѣти пустити *кровнымъ*“. И ниже: „А вгды бы *стриевъ* и *иныхъ кровныхъ* не было тогда, мы, господарь... опекуновъ осельныхъ (маемъ) на тое мѣстце оставити“... Такимъ образомъ, несомнѣнно, что и во Второмъ Статутѣ термины „близкій“ и „кровный“ суть термны тождественныя. Въ началѣ артикула говорится о дядяхъ или иныхъ „близкихъ“, а въ концѣ—о дядяхъ и „кровныхъ“, въ томъ и другомъ мѣстѣ по одному и тому же поводу, то-есть, по поводу обязанности принять на себя опеку въ случаѣ разоренія опекушено-матерью имѣній, оставленныхъ дѣтямъ.

Но если термины „кровный и близкій“ представляются синонимами, то спрашивается, какое они обозначаютъ родство. Кто такіе эти кровные, близкіе? Съ кѣмъ они связаны кровнымъ происхожденіемъ, кому они близки? Простирается ли понятіе родства на обѣ линіи, то-есть,

Третій Литовскій Статутъ 1588 года, изд. Моск. Общ. Ист. и Древн., 1854 года, *Временникъ*, кн. 19. Изъ этого Статута, какъ наиболее важнаго для рѣшенія вопроса, мы приведемъ значительное количество мѣстъ, а именно:

Въ *разд. V, арт. 1* говорится: „Потому жъ ся матка, братья, стреме и иные близкіе около выдаваня въ станъ мальженскій девки народу шляхетскаго заховати... мають“. *Разд. V, арт. 2*, говоритъ: „А того имениа, котораго отецъ, братъ, або близкій, купивши, по той девце дасть мають спольне уживати“. *Разд. V, арт. 4*: „девкама за живота отцовскаго выданымъ а ни ихъ детемъ потомству братья и инши близкіи нѣкотораго посагу и выправы давати неповинни“. *Разд. V, арт. 9*: „Братья тежъ або стреме и которые колвекъ близкіе маючи сестры въ опеце своей, покуль ся замужъ выдадутъ, а мають ихъ учтиве на всемъ ховати“. *Разд. V, арт. 16*: „А которой жоне што отъ мужа лежачаго именье записано будетъ, таковыя вжо отъ детей а ни отъ близкихъ части... въ именью мужнемъ домагагисе не мають“. *Разд. V, арт. 21*: „Маестность (жены, приобрѣвшей собственность въ бракѣ и умершей безъ потомства) маєт спадати половица на *креснимъ* онаго мужа першаго, а половица на *креснимъ* ее, то се тежъ маєт разумети и о такой жене естлибы первой мужа умерла ижъ по ее смерти маестность на мужа и детей приходити будетъ, и потомъ далей на *близкихъ*...“ *Разд. VI, арт. 9*, предписываетъ, чтобы „братъ старшій дошедши летъ своихъ зуполнихъ не вымоялячи се братьею своею недорослою, о разделѣ именья меже *кресными* и *новимоватими* своими виненъ будетъ усправедливетися“. *Разд. VII, арт. 1*, дозволяетъ каждому всякія имѣнья „отдати, продати, даровати, записати, застанити, отъ *детей* и *близкихъ* отдадати“. Въ *разд. VII, арт. 5* воспрещается занисывать кому бы то ни было „спадокъ, который бы междъ на него прияти по *близкости* якимъ колвекъ правомъ“. Въ *VII разд., арт. 9* говорятъ объ отыскиваніи наъ чужаго владѣнія, „имѣнія *близкости* своею“. Въ *разд. VII, арт. 18*, опредѣляется, что дѣти въ томъ случаѣ, „если бы отецъ або матка отъумерли права на якій спадокъ который имъ по *якимъ близкимъ* принадлежить тогды дети, дошедши тог спадку... повинни въ него долги отцовскіе обо матчныи платити“... Тоже, *разд. IX, арт. 2*, гдѣ говорится, что въ случаѣ раздѣла „гдѣ бы братья або *близкіе* а ни листовъ делчихъ межи себе не давши а ни на враде делу не сознавши толко промежу себе которое именье люди разобрали“. Въ *разд. XI, арт. 2*, опредѣляется, что въ томъ случаѣ, „если бы господарь домовни забить былъ, тогды жона его и дети, а не будетъ ли жоны або детей тогды *близкіе* кгвалту зыскавати и доводити будутъ“... Еще два, послѣднихъ примѣра: въ *разд. XI, арт. 4*, говорится, что „именье (убійцы) маєт быти въ той головизане и въ шкодахъ подано детемъ забитого або *креснымъ*“, а немного пониже, упоминая о томъ случаѣ, когда убійца, получивъ охранную грамоту, не смогъ снять съ себя обвиненія въ теченіе года и шести недѣль, *арт. 4* опредѣляетъ: „тогды *дети* або *близкіе* забитого вжо тое имени стороны противное держати и вживати

отцовскую и материнскую, и если простирается, то какія отсюда могутъ быть сдѣланы заключенія къ вопросу о наслѣдованіи имущества родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ ¹⁾?

мають“. Наконецъ, тамъ же, въ *разд. XI, арт. 6-мъ* говорится, что въ случаѣ причиненія смерти однимъ изъ супруговъ другому „о такое окруженствѣ и замордованье дети або *крестны* того замордованного мають... оповедать и обжаловать и инстыговати“. А немного пониже: „*тыя дети або близькіе*, которые будутъ инстыговати, близшыне будутъ самотреть въ суседы околичными шляхтою... присегнути“...

¹⁾ До 1566 года существовало рѣзкое различіе въ правѣ распоряженія родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ: на основаніи, на примѣръ, *16 и 17 арт. I разд.* Стараго Статута 1529 года безусловно воспрещается отчуждать свыше $\frac{1}{3}$ недвижной родовой собственности, „*отчизны и материзны*“, и даже эту треть не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія или великаго князя, или его чиновниковъ. Въ виду особенной нужды и въ частности для отбыванія военной повинности, дозволено было заложить и остальные двѣ трети, но не иначе какъ по указной цѣнѣ, съ предоставленіемъ выкупа этихъ имѣній во всякое время родственникамъ залогодателя. Помѣстныя же земли могли быть отчуждаемы въ $\frac{1}{2}$ или же отдаваемы въ залогъ не иначе, какъ съ *спеціальнымъ разрѣшеніемъ самого великаго князя*. Съ 1566 года, іюня мѣсяца, всѣ ограниченія въ правѣ распоряженія родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями были отиѣнены постановленіемъ Берестейскаго сейма, которое и вошло цѣликомъ во Вторую Литовскій Статутъ, составивъ въ немъ *артикулъ 1 съ раздѣломъ VII-мъ* (арт. 2, 3, 4, 5, помѣщенные въ свискѣ, изданномъ Моск. Общ. Ист. и Древ., остались въ немъ отъ прежней редакціи, которая была представлена на утверженіе въ 1564 году); актомъ же Люблинской уніи 1569 года всякое различіе между помѣстьями и вотчинами уничтожено: Распоряженіемъ ея 18-го § (Vol. leg. t. II, 774) всѣ наличные фактическіе владѣльцы великокняжескихъ имѣній объявляются вѣчными оныхъ собственниками, все равно, имѣютъ ли они эти имѣнія на основаніи жалованныхъ грамотъ, или же владѣютъ ими просто въ силу давности. Эти постановленія послужили основаніемъ значительной части опредѣленій VII и нѣкоторыхъ другихъ раздѣловъ Третьяго Литовскаго Статута. На основаніи, на примѣръ, *1 артикула VII раздѣла*, „предоставляется каждому по своему усмотрѣнію дать, продать, отказать на случай смерти, заложить, устранивъ дѣтей и родственниковъ имѣнья своим отцовскія и материнскія, выслуженныя, купленныя и пріобрѣтенныя какимъ бы то ни было способомъ и носяція какія угодно наименованія, не стѣсняясь третьєю и двумя частями, но всѣ (имѣнія) цѣликомъ, или половину, или какую нибудь часть, въ отдѣльности, людей или землю“. Правда, мы видимъ указанія на извѣстныя условія, которыя необходимы, на примѣръ, для устраниенія дѣтей родителями отъ наслѣдства (*арт. 7 съ разд. VIII*), встрѣчаемъ указанія на ограниченія въ правѣ *заставляя* родовыхъ имущества, какъ отцовскихъ, такъ и материнскихъ (*арт. 2, разд. VIII*), видимъ прямое запрещеніе записывать въ обезпеченіе приданнаго жены болѣе третьей части недвижимости (*арт. 2, разд. V*), но всѣ эти опредѣленія не лишаютъ силы тотъ основной принципъ, въ силу котораго собственникъ со-

Обратимся прежде всего къ *Старому Статуту* 1529 года.

Въ *артикуль 13, разд. VII*, мы встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: „Еслибы было нѣсколько родныхъ братьевъ и сестеръ, и какой либо изъ братьевъ или же отецъ былъ убитъ, тогда одни только братья, помимо получившихъ приданое сестеръ, имѣютъ отыскивать *юловщину*. А еслибы всѣ братья умерли, тогда головщину имѣютъ отыскивать замужнія дочери. А еслибы и сыновья и дочери вымерли, тогда представляется отыскивать головщину *ближнимъ*“. Мы видѣли ранѣе, что подъ именемъ *близкаго* или *ближняго* разумѣется вообще родственникъ. Но кто же здѣсь разумѣется подъ ближнимъ, о какихъ родственникахъ идетъ рѣчь?

Обращаясь ко Второму Статуту, мы не встрѣчаемъ отвѣта, такъ какъ *артикуль 25, разд. XI*, представляетъ, за ничтожною отмѣною, дословное повтореніе приведеннаго выше *13 артикула VII разд. перваго Статута* ¹⁾.

Поэтому обратимся къ Третьему Статуту. Здѣсь соотвѣтствующее опредѣленіе находится въ *45 артикуль XI раздѣла*, озаглавленномъ такъ ²⁾: „*Кто изъ родственниковъ имѣетъ право начать противъ*

вершено свободно распоряжается всѣмъ своимъ имуществомъ, а все это имущество становится для его наследниковъ родовымъ только въ томъ случаѣ, когда оно переходитъ къ нимъ *въ порядкѣ законнаго наследованія*, такъ что имущество, подаренное, или проданное отцемъ или матерью своимъ же собственнымъ дѣтямъ, теряетъ характеръ родового (ср. I Полн. Собр. Зак., Высочайше утвержд. мн. госуд. совѣта отъ 1842 года, № 15.534. См. *К. П. Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражданскаго права, т. I, С.-Пб., 1868 г., стр. 56, гдѣ указывается, что эти начала литовскаго права и доселѣ примѣняются въ Черняговской и Полтавской губерніяхъ).

¹⁾ *Арт. 13, разд. VII, Перваго Литовскаго Статута* читается въ подлинникѣ такъ: „*Межи братья и сестр рожонныхъ, ато маеть юловщины отчовское або братненъ искати*“. „*Колибы волюко братья и сестр рожонныхъ было, а одинъ братъ з нихъ, або отецъ забить былъ: тогда оные братья сами, мимо сестръ выпосажонныхъ маються головщины доискивати. А естлибы братья змерли, тогда дочкы выпосажонны мають головщины искати. А естлибы сынове и дочкы змерли, тогда мають искати ближне*“. Во Второмъ Статутѣ въ соотвѣтствующемъ *арт. 25, разд. XI*, сдѣланы слѣдующія замѣненія, а именно въ заголовкѣ поставлено „*Хто близькій юловщины искати маеть*“ и затѣмъ въ первой строкѣ прибавлено послѣ: „*сестр рожонныхъ*“,—выпосажонныхъ и не выпосажонныхъ“.

²⁾ Такъ переводимъ мы опредѣленія этого артикула, изложенныя въ подлинникѣ слѣдующимъ образомъ: „*Хто з близькихъ маеть караня за голову и юловщины догодити*“. Коли бы волюко братия было и сестр рожонныхъ выпосажонныхъ и не выпосажонныхъ а отецъ або матка ихъ або тежъ который з нихъ братъ сестра были отъ кого забиты, тогда братья сами мимо сестр мають о голову

убійца уголовное преслѣдованіе и быть гражданскимъ истцомъ по этому дѣлу“. Распоряженія этого артикула распространены, сравнительно съ соотвѣтствующими артикулами Перваго и Втораго Статутовъ, но самые тексты того и другаго вошли цѣликомъ въ составъ разсматриваемаго 45 артикула, составляя въ немъ, какъ и въ большинствѣ артикуловъ распространенной редакціи Третьаго Статута, начало и окончаніе соотвѣтствующаго текста, а именно: первыя три строки 25 артикула. XI раздѣла. Втораго Статута составляютъ первыя три строки 45 артикула, XI раздѣла, Третьаго Статута, а остальные двѣ строки составляютъ три предпоследнія строки соотвѣтствующаго артикула Третьаго Статута, а именно: „А еслибы сыновья и дочери вымерли, тогда предоставляется того (головщину) отыскивать родственникамъ, прежде всего наиболѣе близкимъ родственникамъ со стороны отца („по мечу“), а еслибы не осталось родственникамъ со стороны отца, тогда и родственникамъ со стороны матери (по кудели)“. Что подъ именемъ „близкихъ по мечу“ разумѣлись родственники со стороны отца, а подъ именемъ „близкихъ по кудели“ — родственники по матери, это видно изъ многихъ мѣстъ Статута, но всего яснѣе изъ артикула 3 раздѣла VI. гдѣ представителемъ родственниковъ по мечу является „стрий“, представителемъ же родственниковъ по кудели, родственниковъ по „прямкѣ“, „вуй“¹⁾.

и головщину правомъ чинити и головщину себе брати. А то ся такъ маеть розумети. Кгды забитый братъ або сестра детей потомства по себе не воставятъ, вьлаца сестра будеть ли забита будучи еще замужь не выданною або вдовою безпотномною. Ведже хотя и дѣтей по брате або по сестре вдовою забитою востануть, а будуть летъ недорослыхъ, тогда въ недорослости летъ такихъ детей предъ се братья або сестры кривные або тежь опекуны тыхъ детей недорослыхъ права того поипрати и доводити мають, але кды по томъ дети летъ доростуть головщина тая имъ належати маеть, по вытрученью накладу што бы близкие доходечи того права наложили, а где бы кривные або опекуны того не доходили, тогда сами дети доросши летъ правомъ о голову родичовъ своихъ чинити могутъ, а давность имъ въ томъ ничего шкюдити не можетъ. А естли бы братья змерли, тогда и дочки мають такого права о голову поипрати. Наклижь бы сынове дочки змерли, тогда близкие того доводити мають, напроць наблизшише по мечу, а иде бы близкие по мечу не стало, тогда и по кудели.

1) Соотвѣтствующій артикулъ VI раздѣла „Третьаго Литовскаго Статута“ наложенъ слѣдующимъ образомъ: „На первой тые опекунами мають быть кого бы отецъ на тестаменти дѣтемъ своимъ описалъ, а естлибы не описалъ, тогда братъ старшій летъ дорослый, маеть молодшею братьею и сестрами опекагисе, а не будеть ли брата дорослого старшого ино стривея по мечу такъ же одинъ з нихъ старшій мають опекунами быти. А естлибы стривея рожонныхъ не было ино близкие

Изъ современныхъ же Третьему Статуту памятниковъ, напимѣръ: изъ родословнаго древа, напечатаннаго во *второмъ польскомъ* изданіи Третьяго Статута въ 1619 году¹⁾, или же изъ такого точно древа, помѣщеннаго при „Институціяхъ польскаго права“²⁾, изданныхъ въ 1618 году Дрезнеромъ, а равнымъ образомъ изъ подобнаго же древа, приложеннаго къ „Ручной книгѣ магдебургскихъ судовъ въ Польшѣ“³⁾, изданія 1630 года, видно, что „стрыю“ соотвѣтствуетъ „patruis“, то-есть, братъ отца, а „вую“ въ родословномъ деревѣ Литовскаго статута „стрий“, который занимаетъ мѣсто среди родственниковъ „со стороны отца, или по мечу“, а „вуй“ — среди родственниковъ „со стороны матери, или по кудели“.

Выясняя значеніе терминовъ *артикула 17, раздѣла III*, для выраженія понятія родства, мы видѣли, что для обозначенія нисходящихъ употребляются термины „потомки“ и „щадки“, а для обозначенія боковыхъ родственниковъ обѣихъ линій, далѣе третьей степени, употребляются термины—„кровные“ и „близкіе“. Такое пониманіе этихъ

также по мечу который з нихъ старшій ку онеце мають быти приуцоны, а гдѣбы опекуновъ по мечу приржонныхъ не было ни кого ино по *матце оуеце* также и иншыя кровные мають быти опекунами. А не станеть ли и по кудели кровныхъ *плаща мужскою* рожаю, тогда мають быти опекунами и *бѣлыми юлоомъ по мечу* также старше тымъ дегемъ на близшыне, а естли *по мечу* и бѣлыхъ головъ близскихъ не станеть, тогда и по кудели кровные бѣлыми головы тежъ старшыне“...

¹⁾ Во второмъ польскомъ изданіи Третьяго Литовскаго Статута отъ 1619 г. вслѣдъ за V раздѣломъ, посвященнымъ разрѣшенію вопросовъ объ отношеніяхъ между супругами по имуществу, находится за 210 листомъ одна нумерованная страница и на ней довольно грубое политипажное изображеніе родословнаго древа, весьма близкое по характеру рисунка и совершенно сходное по содержанію съ подобными же изображеніями въ современныхъ Статуту книгахъ Дрезнера и Гронцкаго; разница лишь въ томъ, что въ Статутѣ названія родственниковъ напечатаны по-польски, а у Дрезнера и Гронцкаго—по-латыни.

²⁾ *Thom. Dresner, Institutionum juris regni polonici libri IV ex statutis et constitutionibus collecti, Zamoscil, 1618, in-4°.* Родословное дерево, весьма сходное съ деревомъ Статута, находится въ этомъ сочиненіи на стр. 135.

³⁾ Руководство это, составленное Гронцимъ, носитъ названіе: *Porządek sądow y spraw mieyskich prawa Maydeburskiego w Koronie Polskiej.* Мы пользовались изданіемъ 1630 г. Въ болѣе раннемъ изданіи 1545 г., которое намъ пришлось видѣть въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ, родословное дерево отсутствуетъ. Въ изданіи 1630 г. оно находится въ той части книги, которая по названію: „*Tytuly prawa Maydeburskiego do porządku y do artykułow, pierwey po Polsku wydanych*“, на стр. 28-й, на которой находится текстъ: „*Figura seu tabula indicans graphice, quomodo haereditas ab intestato deferatur et quisnam proximior potiorque ad capiendam haereditatem habetur*“.

словъ, вытекающее изъ текста Литовскаго Статута, подтверждается, сверхъ того, какъ лексическими данными изъ языка польскаго ¹⁾, такъ и показаніями официальныхъ документовъ, одновременныхъ Третьему Литовскому Статуту. Такъ, подъ 1590 годомъ, апрѣля 8, мы встрѣчаемъ запись кн. Григорія Львовича Санкгушковича Коширскаго, въ которой онъ говоритъ: „Записую *кровоному и повинному* моему, его м. п. Петру Стабровскому, старостѣ трейденскому и скуенскому („*швазру* своему“) имѣнія: дворъ Черемо, въ повѣтѣ Оршанскомъ... а имѣнье Токоровичи въ воеводствѣ Минскомъ“ ²⁾. Такое широкое понятіе родства подтверждается и тѣмъ понятіемъ рода, которое мимоходомъ дается Литовскимъ Статутомъ по поводу представленія доказательствъ о шляхетскомъ происхожденіи. Въ *артикуль 19 раздѣла III* Третьяго Статута мы читаемъ: „Тотъ, кто доказываетъ свое шляхетское происхожденіе, долженъ представить двухъ родственниковъ шляхтичей по отцу и по матери, то-есть, двухъ родственниковъ („*кровныхъ*“) со стороны отца и двухъ со стороны матери, которые должны присягнуть на томъ, что онъ имъ родственникъ (природный) и настоящій шляхтичъ: А *еслибы родъ пресѣкся*... тогда можетъ представить (въ свидѣтели) бояръ, шляхту сосѣднюю“ ³⁾... Изъ этого опредѣленія несомнѣнно вытекаетъ, что *подъ родомъ* Третій Литовскій Статутъ понимаетъ совокупность родственниковъ отца и матери. „Кровные“ и „близкіе“ Третьяго Литовскаго Статута совершенно со отвѣтствуютъ „*когнатамъ*“ Юстиніанова законодательства ⁴⁾.

¹⁾ *Linde, Slownik*: Blizkosć... a) Blizkosc krwi, blizki stopien pokrewienstwa. Die Nähe der Verwandtschaft... do Krakowa blizkosć się mieść Książęta Szląscy ozywają. *Biel.—Kron.* Wasili szczyście się przyrodzona do tego blizkosć, osiadł hordy Zawołać. Paszk. Dz.—II. *Krew.—Krewom.*—2. Od krewności, z jednej krwi, powinowaty, jako brat bratu, Blutsfreund, единокровный, сродничій, родственникъ. *Krewom.* Krewnick, der Blutsfreund, родственникъ, сродничъ, сродникъ, свойственникъ.

²⁾ *Метрика Литовская* (бывшій Государственный архивъ великаго княжества Литовскаго, нынѣ въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи), Судныхъ дѣлъ № 68, л. 118.

³⁾ Тотъ, кто се выводитъ, имеетъ поставить зъ отца и матки по двухъ шляхтичовъ приржонныхъ, то естъ *двахъ съ отца и двахъ съ матери кровныхъ*, и на томъ имъ присягнуть, имъ ихъ естъ природный и правдивый шляхтичъ. А навъ ли бы *се родъ звелъ*, тогда бояръ шляхту околичную имеетъ поставить...

⁴⁾ *Instit.*, lib. I, tit. XV, § 1: „тѣ, которые соединяются родствомъ черезъ лицъ женскаго пола, не суть агнаты, но когнаты. Такимъ образомъ сынъ твоей тетки по отцѣ не естъ твой агнатъ, а когнатъ“. *Ibid.*, lib. III, tit. VI: Когнатство бываеъ восходящее, нисходящее и боковое. Восходящее когнатство составляютъ

Выяснивъ значеніе терминовъ, употребляемыхъ для обозначенія родственныхъ отношеній, обратимся вновь къ тексту 17 артикула III раздѣла съ вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ имущество становится выморочнымъ.

Для разрѣшенія этого вопроса рассмотримъ прежде всего составъ 17 артикула. Въ русскомъ изданіи 1588 года текстъ не разорванъ произвольно на параграфы, какъ то дѣлается со втораго польскаго изданія, а представляетъ по внѣшности одно сплошное цѣлое; по содержанію же текстъ этотъ распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой, идущей до словъ на 10-ой строкѣ 84-ой страницы¹⁾ „кроме тыхъ“, опредѣляетъ порядокъ преемства въ наслѣдованіи по закону; вторая же часть, идущая отъ словъ „кроме тыхъ“ до конца, опредѣляетъ условія, при которыхъ наступаетъ выморочность имущества.

Такое внутреннее раздѣленіе 17 артикула по содержанію распоряженій подтверждается и его заголовкомъ, приведеннымъ выше. Какъ изъ текста второй части, такъ и изъ заголовка 17 артикула вытекаетъ, что имущество становится выморочнымъ только тогда, когда наслѣдодатель не оставилъ по себѣ никакого родственника и не распорядился самъ при жизни судьбою наслѣдства²⁾. Обратимся теперь

родители, нисходящее—дѣти, боковое—братья и сестры и ихъ дѣти, и слѣдовательно, дяди и тетки по отцу и по матери. И восходящее и нисходящее когнатство начинаются съ первой, а боковое со второй степени... Въ третьей степени между восходящими находится прадедъ, прабабка, между нисходящими—правнучка, правнучка, между боковыми—сынъ и дочь брата и сестры, а слѣдовательно: patruus, amita, avunculus, matertra. „Patruus“ есть братъ отца, „avunculus“ есть братъ матери, „amita“ есть сестра отца, „matertra“ сестра матери

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду страницы Мамоничевскаго изданія, обозначенныя въ над. Московскаго Общества Ист. и Др. на поляхъ.

²⁾ Хотя въ заголовкѣ стоитъ „и о спадку на насъ, господара, но безпотомныхъ“, то-есть, что имущество становится выморочнымъ послѣ дяди, не имѣющаго нисходящаго потомства, но что слова „безпотомныхъ“ нельзя понимать въ этомъ смыслѣ, видно изъ текста, гдѣ говорится, что имущество становится выморочнымъ только тогда, когда кто умеръ „безъ потомковъ, близкихъ, щадковъ и наслѣдковъ своихъ“. Что слово „близкіе“ здѣсь выражаетъ именно боковыхъ родственниковъ, это видно изъ предыдущаго опредѣленія въ этомъ же артикулѣ о порядкѣ законнаго наслѣдованія. Въ случаѣ отсутствія сыновей и дочерей имущество не становится выморочнымъ, а призываются къ наслѣдованію боковые. А такъ какъ наслѣдованіе отца и матери послѣ бездѣтныхъ сыновей или дочерей опредѣлено Статутомъ въ другомъ мѣстѣ, то въ этомъ артикулѣ Статутъ не предполагаетъ наслѣдованія восходящихъ, а говоритъ только о наслѣдованіи въ „отчизнѣ и материзнѣ“, то-есть, о наслѣдованіи такого рода, которое открывается только со смерти отца или матери.

къ первой части артикула. Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о наслѣдованіи братьевъ и сестеръ. Порядокъ наслѣдованія опредѣленъ съ совершенною ясностью: Въ отцовскомъ имуществѣ наслѣдуютъ только братья, въ материнскомъ и братья, и сестры, и при томъ въ равныхъ доляхъ. За отсутствіемъ братьевъ, сестры призываются къ наслѣдованію и въ отцовскомъ имуществѣ, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ родственниковъ.

Но вотъ нисходящее потомство пресѣкается,—спрашивается, кто будетъ наслѣдникомъ оставшагося имущества?

Естественными ближайшими наслѣдниками были бы восходящіе, то-есть, отецъ и мать, но Статутъ предполагаетъ, что ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, что вопросъ идетъ именно о наслѣдованіи въ имуществахъ, оставшихся послѣ смерти отца и матери, въ „отчизнахъ и материзнахъ“¹⁾ Ближайшими родственниками будутъ братья отца и братья матери По общему принципу раздѣльности имуществъ мужа и жены и согласно спеціальному распоряженію *19 артикула раздѣла V*, имущество жены возвращается „въ тотъ же домъ, изъ котораго (она) вышла“, и поступаетъ въ собственность братьевъ; имущество же мужа переходитъ по наслѣдству къ его братьямъ. Если въ той или другой линіи наиболѣе близкими къ наслѣдодателямъ окажутся женщины,—въ данномъ случаѣ сестры,—то онѣ устраняютъ отъ наслѣдованія болѣе далекихъ по родству мужчинъ²⁾. Слѣдовательно, по общему принципу имущество, оставшееся послѣ безпотомнаго лица, дѣлится между наличными представителями отцовской и материнской линіи, сообразно происхожденію имущества, и затѣмъ въ каждой линіи призываются всѣ наличные родственники ближайшей по родству степени къ наслѣдодателю, съ предпочтеніемъ въ одной и той же степени мужчинъ передъ женщинами³⁾.

Доселѣ все совершенно опредѣленно, но вотъ гдѣ начинаются

¹⁾ Для приданаго дочерей назначалась $\frac{1}{2}$ часть отцовскаго имущества (арт. 19, р. V), это приданое, обезпеченное ипотекою на имѣніяхъ мужа, составляло собственность жены, которою она могла распорядиться по своему усмотрѣнію (арт. 17, р. V). Приданое составляетъ необходимое предположеніе, то-есть, если нѣтъ письменнаго документа о принесеніи женою приданаго, то оно все-таки предполагается цѣною въ 30 к. гр. (арт. 1, р. V). Подарки мужа жемъ составляютъ ея собственность (арт. 21, разд. V).

²⁾ Арт. 19, разд. V: „А где бы братья и ихъ потомковъ не было, тогда тотъ снадохъ внесенъя сестры безплодное змерлоє, на сестры иныше хотя и выравенны и на ихъ дети потомки прымдетъ“.

затрудненія. Предположимъ, что въ одной изъ линій не имѣется болѣе лицъ, состоящихъ въ родствѣ съ наслѣдодателемъ этой линіи, то-есть, въ линіи отца не останется болѣе лицъ, связанныхъ съ нимъ происхожденіемъ отъ одного предка. Какова будетъ судьба этого имущества, выдѣленнаго изъ общаго состава наслѣдства и поступившаго къ имѣвшимся въ моментъ открытія наслѣдства представителямъ этой линіи. Есть ли это имущество безхозяиное, или нѣтъ?

Опираясь на вторую часть 17 арт. III разд., мы должны отвѣчать отрицательно: имущество тогда только становится выморочнымъ, когда наслѣдодатель умираетъ „безъ потомковъ, близкихъ, шадковъ и наслѣдковъ своихъ“.

Мы уже видѣли ранѣе, что „близкими“ называются какъ родственники отца, такъ и родственники матери, слѣдовательно, въ случаѣ пресѣченія одной изъ боковыхъ линій, имущество переходитъ къ родственникамъ наслѣдодателя въ другой линіи.

Что такого рода переходъ имущества изъ одной линіи въ другую не противорѣчитъ принципамъ литовскаго права, это видно изъ арт. 21, разд. V. „Еслибы,—говорится въ этомъ артикулѣ,—случилось, что какой либо бѣдный человѣкъ, какого бы то ни было состоянія, не имѣя никакого имущества, вступилъ бы въ бракъ съ женщиною, за которую также не получилъ бы никакого приданаго, а затѣмъ совокупнымъ трудомъ, при помощи Божіей, они приобрѣли имущество или же получили оное въ вознагражденіе за службу по какому либо акту или же по завѣщанію, тогда, по смерти мужа, женѣ выдѣляется изъ этого имущества третья часть, а $\frac{2}{3}$ предоставляются дѣтямъ; а если дѣтей не будетъ, то все имущество поступаетъ въ собственность жены. Если же она умретъ бездѣтною, не оставивъ письменнаго распоряженія, тогда половина всего имущества поступаетъ къ родственникамъ ея покойнаго мужа, а другая половина—къ родственникамъ. Если же умретъ жена ранѣе мужа, то имущество ея переходитъ къ мужу и дѣтямъ, а затѣмъ къ родственникамъ, согласно распоряженіямъ этого артикула“.

Артикулъ этотъ заимствованъ съ незначительными измѣненіями изъ Магдебургскаго права ¹⁾, изъ котораго это начало было заимство-

¹⁾ *Jasker*, в. н. соч., *Juris municipalis Maydeburgenis liber, etc., articulus XXII, f. XXIII (vr.): Si vir uxorem superduxerit cum qua nullam dotem accepit et ex utroque nihil bonorum habuerunt, verum laborem adauxerunt mutuo, nullaque reformatione facta moriatur, extunc uxor obtinet tertiam partem bonorum mariti.*

вано и Саксонскимъ Зерцаломъ ¹⁾). Въ Магдебургскомъ же и Саксонскомъ Зерцалѣ признавались, какъ извѣстно, основные принципы наслѣдованія, сложившіеся подъ вліяніемъ Юстиніанова законодательства.

Далѣе: *артикула 17, разд. III*, говоритъ, что наслѣдуютъ и распоряжаются имуществомъ „звычайемъ стародавнимъ и тежъ статутомъ первымъ и теперешнимъ“.

Слѣдовательно, въ случаѣ возникновенія сомнѣнія въ томъ, какъ нужно понимать опредѣленія *17 артикула*, Третій Статутъ предписываетъ обращаться къ обычаю и опредѣленіямъ предшествующихъ статутовъ.

Обратимся прежде всего къ Статуту 1566 года.

Въ *арт. 14, разд. III*, соотвѣтствующемъ *17 арт., разд. III*, Статута 1588 г., мы встрѣчаемся съ слѣдующими распоряженіями относительно наслѣдованія вообще и въ выморочныхъ имуществахъ въ частности:

„По смерти отцовъ и матерей и иныхъ родственниковъ со стороны отца и матери („кровныхъ и близкихъ“), ихъ дѣти и потомки и родственники не будутъ устраняемы отъ наслѣдованія въ вотчинахъ, въ выслуженныхъ имѣніяхъ и во всякомъ благопріобрѣтенномъ имуществѣ“. „Также постановляемъ, что, по смерти отцовъ и матерей, ихъ дѣти, сыновья и дочери не будутъ устраняемы отъ наслѣдованія въ имѣніяхъ отцовскихъ и материнскихъ, но они сами и ихъ собственное потомство, родственники со стороны отца и родственники со стороны матери („кровные и близкіе“), предъявляютъ претензіи и получаютъ оныя имущества, соотвѣтственно праву родства, пріобрѣтенному надлежащимъ путемъ, согласно стародавнему обычаю, а также (распоряженіемъ) прежняго Статута и нынѣшняго, и обращаютъ оныя имущества въ свою пользу навѣки. То же самое будетъ разумѣемо относительно наслѣдованія въ прямой и боковыхъ линіяхъ въ имѣніяхъ выслуженныхъ и во всемъ, пріобрѣтенномъ, согласно опредѣленіямъ права, кромѣ наслѣдованія послѣ тѣхъ лицъ, которыя умрутъ безъ потомства, родныхъ со стороны отца и со стороны матери, самыхъ отдаленныхъ нисходящихъ и наслѣдниковъ своихъ, никому не передавъ и не утвердивъ актами своихъ наслѣдственныхъ, пріобрѣтенныхъ службою и иными способами правъ, такъ какъ послѣ этихъ лицъ и при этихъ условіяхъ имѣнія поступаютъ и будутъ поступать наслѣдственнымъ порядкомъ къ Рѣчи Посполитой и къ намъ,

¹⁾ Тамъ же; Speculum Saxonum, lib. I, art. XXI и XXIV.

государю, великому князю, и потомкамъ нашимъ, великимъ князьямъ литовскимъ" ¹⁾).

Въ подкрѣпленіе правильности сдѣланнаго нами перевода мы позволимъ себѣ привести латинскій переводъ этого же самаго артикула по рукописи конца XVI или начала XVII вѣка, хранящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ ²⁾: „Distinctio tertia, articulus XIII“. „Heredes ascendentes, descendentes et collaterales ad successionem defunctorum vocentur“. „Statuimus, mortuis parentibus, liberos utriusque sexus ab eorum haereditatibus non esse alienandos, sed eos tanquam legitimos haeredes ac eorum proles et descendentes, collateralesque ad successionem jure naturali esse vocandos secundum veterem consuetudinem et Statutum vetus et hoc novum. Quod quidem de omnium bonorum successione intelligi debet: paternorum, maternorum, profectitorum, adventitorum, emptorum, immeritorum, castrensium. Exceptis his qui, nullis liberis, agnatis, cognatis relictis, decedunt nec bona sua donatione inter vivos vel causa mortis alienant, horum enim bona jure fisci nos successoresque nostros fisco vindicabimus“.

¹⁾ Артик. 14, разд. III, Литовскій Статутъ 1566 года: „По смерти отцовъ и матокъ и имъ крестныхъ и близкихъ ихъ детей и потомковъ и близкихъ отъ каждаго дѣдичства спадку выслуги и всякою набытымъ не отдаляти“. „Тежъ уставуемъ ижъ по смерти отцовъ и матокъ дети сынове и дочки отъ отчизны и матерныи не мають быти отдалены але они сами ихъ щадки властныи кровныи и близкии правомъ прирочонныхъ и слушныи набытымъ звычайемъ стародавнымъ и тежъ статутомъ первымъ и теперешнимъ мають посягнути и одержати и тые добра на пожитокъ свой оборочати вечными часы. То ся тежъ будетъ разумети о близкостяхъ спадкохъ выслугохъ и всякомъ набытымъ водлугъ права, кроме тыхъ, которые безъ потомковъ близкихъ щадковъ и наследковъ своихъ зомрутъ ни на кого права своего прирочоного и набытого не влишыи, а ни записавши бо по тыхъ и такимъ обычаемъ имѣнья спадкомъ на насъ, господара великого князя, и потомковъ нашихъ, великихъ князей литовскихъ, приходять и приходяти будутъ“. Рукопись XVI вѣка въ Имп. Публ. Библ., F II, русск. № 84.

²⁾ Рукопись эта in-folio, заключающая въ себѣ 208 листовъ, отлично сохранившаяся, представляетъ образчикъ каллиграфическаго искусства и отличается рѣдкою виѣшностью: до сихъ поръ обрѣзъ ея сохраняетъ яркіе слѣды позолоты, а переплетъ состоитъ изъ тяжелой шелковой матеріи малиноваго цвѣта. Экземпляръ этотъ, описанный у Линде и Даниловича, и доселѣ носитъ на заглавномъ листѣ фамилю „Иосифъ Сѣраковский“. Заглавіе рукописи слѣдующее: „Statuta Magni Ducatus Litvaniae in Bielscensibus comitiis promulgata in Vilnesibus anno salutis humanae MDLXXVI approbata. E Rutheno sermone in latinum conversa 1576“. Библиотечный №, лат., fol. 174. Основаніемъ для опредѣленія времени происхожденія рукописи служили намъ: почеркъ, весьма характерный, и водяные знаки.

Надѣмся, что проводимое нами воззрѣніе на значеніе терминовъ „щадки, кровные и близкіе“, а также и на принципы литовскаго права наслѣдованія находитъ себѣ достаточное подтвержденіе въ этомъ переводѣ русскаго текста на латинскій языкъ рукою одного изъ современниковъ Литовскаго Статута 1588 года. Въ особенности важное, рѣшающее значеніе, на нашъ взглядъ, имѣетъ то мѣсто, гдѣ взаимно довольно темной фразы Статута 1566 г.: „Кроме тыхъ, которые безъ потомковъ близкихъ щадковъ и наследковъ своихъ зомрутъ“, мы имѣемъ совершенно ясныя латинскія выраженія: „*Excerptis iis qui, nullis liberis, agnatis, cognatis relictis, decedunt*“.

Сличеніе только что приведеннаго выше текста 14 арт., разд. III, Литовскаго Статута 1566 г. на русскомъ языкѣ по рукописи XVI в., хранящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ, съ текстомъ 17 арт., разд. III, Литовскаго Статута 1588 г. съ перваго же взгляда убѣждаетъ насъ, что за исключеніемъ: 1) прибавленія въ заголовкѣ арт. 17, разд. III, фразы „и о спадку на насъ, господара, по безпотомныхъ“, и 2) вставки отъ словъ: „то тымъ обычаемъ“ до словъ „кроме тыхъ, которые“, арт. 14, разд. III, Статута 1566 г. и арт. 17, разд. III, Статута 1588 г. дословно сходны между собою. Неясность 17 артикула происходитъ отъ опредѣленій, заключающихся въ только что упомянутой вставкѣ и внесенныхъ редакторами Статута 1588 г., конечно, съ цѣлью не затемнить, а, напротивъ, уяснить принципы литовскаго наслѣдственнаго права. Къ сожалѣнію, имъ совершенно не удалось достигнуть этой благой цѣли. Но, къ счастью, то, что ими затемнено въ одномъ мѣстѣ, то разъяснено въ другомъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Но прежде мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе.

Вмѣстѣ съ остальнымъ правовымъ наслѣдіемъ, великое княжество Литовское получило отъ удѣльно-вѣчевой Руси широкую систему вирь или композицій, приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ эта система извѣстна намъ въ позднѣйшихъ спискахъ Русской Правды, съ тою лишь особенностью, что уже въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ на первомъ планѣ, при опредѣленіи денежнаго взысканія, выдвигаются интересы потерпѣвшаго или же его наслѣдниковъ, размѣры же пени, идущей великому князю, сообразуются съ вознагражденіемъ частному лицу: они обыкновенно называются „противень“, „противъ вины“, какъ взыскиваемые по тому денежному масштабу, которымъ покрывается вредъ, причиненный частному лицу.

Третій Статутъ хотя и удерживаетъ денежные наказанія, но они отодвигаются на второй планъ широко развитою системою наказаній чисто публичнаго характера: смертною казнью разныхъ родовъ, наказаніями болѣзненными, тюремнымъ заключеніемъ и проч. Въѣстѣ съ тѣмъ, оставшіяся въ лѣстницѣ наказаній денежные пени совершенно теряютъ свой публичный характеръ. Государственная власть уже болѣе ничего не получаетъ изъ нихъ въ свою пользу, всѣ онѣ цѣликомъ идутъ въ пользу потерпѣвшаго: такъ, напримѣръ, возмемъ 2 арт., XII разд.: „Еслибы человѣкъ простаго состоянія убилъ также простаго человѣка, не шляхтича, тогда, на основаніи доказательства, представленныхъ обвинителемъ, и на основаніи подтвердительной присяги самъ третей со стороны истца, *обвиненный (преступникъ) подвергается смертной казни, а частное вознагражденіе (головщина) уплачивается изъ движимаго имущества виновнаго тому лицу, которому оно будетъ принадлежать на основаніи права*“. Такимъ образомъ, полученіе извѣстнаго денежнаго вознагражденія за побой, увѣчья и т. под. составляетъ *право потерпѣвшаго*, не исключаящее наложенія на виновнаго самостоятельныхъ наказаній. Поэтому, напримѣръ, за отрубленіе руки, ноги, выбитіе глаза и т. п. назначается возмездіе виновному на началахъ тальона, а потерпѣвшему денежное вознагражденіе въ 50 копъ грошей ¹⁾; за убійство шляхтича виновный шляхтичъ несетъ самостоятельное наказаніе, соответственно условіямъ причиненія убійства, а родственникамъ убитаго уплачивается 100 копъ грошей. Посему, на полученіе этихъ платежей, „навязокъ или головщинъ“, литовское - право смотритъ, какъ на извѣстнаго рода имущественное право, принадлежащее потерпѣвшему и переходящее къ его родственникамъ *по наследству*: такъ, въ арт. 26, разд. XI, говорится, что въ томъ случаѣ, „когда послѣ убитаго проѣзжаю человека явятся его родственники и представятъ официальное удостовѣреніе въ своемъ родствѣ съ нимъ, въ такомъ случаѣ головщина, взысканная съ преступника, вручается этимъ родственникамъ убитаго“. Полное *тождество этого права съ наследственнымъ* видно также и изъ дальнѣйшихъ распоряженій только что приведеннаго артикула: въ теченіе *трехъ лѣтъ* производится вызовъ родственниковъ для полученія этой головщины, и когда они въ теченіе этого срока не явятся, то головщина, какъ имущество „безплеменнаго“ человѣка, признается выморочною и по-

¹⁾ Лит. Статутъ 1588 г., арт. 27, разд. XI.

стѹпаетъ частью представителю государственной власти, частью же на богоугодныя заведенія.

Обращаясь къ артикулу 45, разд. XI, мы встрѣчаемъ опредѣленія о переходѣ этого наслѣдственнаго права, совершенно сходныя съ извѣстными уже намъ опредѣленіями 17 арт., разд. III. Артикулъ 45, разд. XI, въ переводѣ на современный языкъ, читается такъ: *„Кто изъ родныхъ имѣетъ (право) искать наказанія убійцы и денежнаго вознагражденія“*. „Еслибы было нѣсколько родныхъ братьевъ и сестеръ, выданныхъ замужъ и еще не выданныхъ, и отецъ ихъ или мать или кто нибудь изъ братьевъ, (или же) сестра, были кѣмъ либо убиты, тогда только одинъ братъ, помимо сестеръ, имѣютъ право искать наказанія убійцы, взыскапія съ него и полученія въ свою пользу головщины. Въ томъ же случаѣ, когда убитый братъ или сестра не оставляютъ по себѣ потомства, а въ особенноти, если сестра будетъ убита еще дѣвушкою или же бездѣтною вдовою, или по убитомъ братѣ или же сестрѣ-вдовѣ останутся несовершеннолѣтнія дѣти, то, въ виду ихъ несовершеннолѣтія, братья или сестры, родственники или же опекуны обязаны заботиться объ отысканіи и укрѣпленіи *этого права, принадлежащаго дѣтямъ*. Когда же дѣти выростутъ, то взысканная головщина переходитъ въ ихъ собственность, за исключеніемъ тѣхъ издержекъ, которыя сдѣлали опекуны или же родственники, отыскивая это право. Въ томъ же случаѣ, когда родственники или опекуны не искали, то дѣти, достигши совершеннолѣтія, могутъ сами начать, согласно предписаніямъ права, дѣло объ убіеніи своихъ родителей, и давность не можетъ въ этомъ случаѣ быть для нихъ препятствіемъ. А еслибы *братъ умерли, тогда и дочери могутъ отыскивать принадлежащее имъ право* (на наказаніе убійцы и полученіе головщины). А еслибы *сыновья и дочери вымерли, тогда право это получаютъ родственники: прежде всего родственники со стороны отца, а если родственники со стороны отца пресѣкнутся, тогда (это право получаютъ) и родственники со стороны матери“*.

Арт. 17, разд. III, статута 1588 г. гласитъ, что наслѣдованіе по закону опредѣляется различными нормами: распоряженіями прежняго статута и нынѣшняго, и земскимъ обычаемъ.

Мы воспользовались, по возможности, всѣмъ тѣмъ, что могли намъ дать всѣ три статута. Перейдемъ теперь къ даннымъ обычнаго права. Само собой понятно, что, при отсутствіи какихъ бы то ни было сборниковъ обычнаго литовскаго права, единственнымъ способомъ познако-

маться съ юридическими воззрѣніями, отошедшаго въ вѣчность, литовскаго общества конца XVI вѣка даютъ судебныя рѣшенія, въ которыхъ судьи и тлжущіеся выражали свои воззрѣнія на тотъ или иной вопросъ права: или выясняя смыслъ того или иного опредѣленія статута, или же ссылаясь, въ дополненіе къ его распоряженіямъ, на существующій обычай, такъ какъ статутъ, воспрещая судьямъ постановлять произвольныя рѣшенія („зъ головы“), позволялъ, однако, ему въ томъ случаѣ, *„еслибы чего въ статутъ не доставало... разсматривать и рѣшать дѣла возможно справедливѣе, согласно указаніямъ своей совѣсти и принимая во вниманіе иныя христіанскія законодательства“* ¹⁾.

Обращаясь къ актовымъ книгамъ Метрики Литовской, мы встрѣчаемъ, какъ разъ въ первый годъ вступленія въ силу Третьяго Статута, слѣдующій образчикъ пониманія смысла опредѣленій 17-го артикула, III разд., о наслѣдованіи. Въ 1589 г. государственный прокуроръ (инстигаторъ) великаго княжества Литовскаго предъявилъ отъ имени казны искъ къ имуществу татарина трокскаго Абрагима Юхновича, которое, по его мнѣнію, должно было перейти въ собственность казны, какъ выморочное, потому что А. Юхновичъ не оставилъ послѣ себя ни наслѣдниковъ, ни завѣщанія. Опекуны малолѣтнихъ дѣтей умершаго, опровергая искъ инстигатора въ виду того, что умершій оставилъ послѣ себя дѣтей, говорятъ: „А еслибы даже и не было у покойника нисходящаго потомства, то и въ этомъ случаѣ его имущество переходитъ и поступаетъ, на основаніи родственнаго права, по началу законнаго наслѣдованія („снадкомъ“) къ его родному брату *и инымъ родственникамъ („кровнымъ“), которыхъ имѣется не мало со стороны отца („по мечу“) и со стороны матери („по кудели“)*. И, подтверждая свое утвержденіе законами („правне“), привели 17-й артикулъ III раздѣла, гдѣ говорится: „что по смерти отцовъ и матерей, дѣти, сыновья и дочери не будутъ отстраняемы отъ отцовскихъ и материнскихъ имѣній, но они сами и ихъ собственное отдаленнѣйшее потомство, родственники по отцу и по матери („кровные и близкіе“) получаютъ оное соотвѣтственно праву родства“ ²⁾.

¹⁾ Разд. IV, арт. 54.

²⁾ Метрика Литовская, Судныхъ дѣлъ № 68, за 1589—1591 г., документъ отъ 15-го іюля 1589 г., въ Вильнѣ. „А ведже хотя бы потомства лебожчиковскаго не было, тогды бы предся тая маеность на брата его роженного и на иншыя кривные, которыхъ есть не мало по мечу и по кудели правомъ близкимъ пришла и спала. И, показуючи правне, подали артикулъ семнадцатый зъ роз-

Противъ этого объясненія 17-й арт., III разд., о призваніи къ наслѣдованію по закону въ отцовскомъ имуществѣ не только родственниковъ отца, но и родственниковъ матери, инстигаторъ не привелъ никакихъ возраженій, обратившись къ совершенно рискованнымъ утвержденіямъ о юридической ничтожности въ Литвѣ брака татаръ, совершеннаго по обрядамъ магометанской религіи, о неслышательскомъ происхожденіи наслѣдодателя и т. п.

Мы могли бы уже закончить на этомъ нашъ очеркъ, но, желая воспользоваться всѣми средствами, указанными въ Статутѣ для выясненія истиннаго смысла его опредѣленій, обратимся за справкою къ гѣмъ христіанскимъ законодательствамъ, къ которымъ долженъ былъ обращаться и судья, въ случаѣ неясности или неполноты закона. На первомъ планѣ, конечно, для судьи должно было стоять польское законодательство, потому что оно, какъ мы уже видѣли, съ давнихъ поръ посредственно и непосредственно оказывало извѣстное вліяніе на развитіе нормъ литовскаго права.

Мы видѣли уже, что его начала были рекомендованы особому вниманію редакторовъ Третьяго Статута сеймовою конституціею 1569 г.

При взглядѣ на внушительные фолианты *Volumina legum*, кажется, что ничего не можетъ быть легче, какъ, опираясь на нихъ, выяснить постепенное развитіе нормъ польскаго права, что нѣтъ надобности въ особенномъ трудѣ для изложенія, напримѣръ, движенія законодательства по наслѣдственному праву. Но ближайшее знакомство съ этимъ источникомъ приводитъ къ полному разочарованію. На прострaнствѣ двухсотъ слишкомъ лѣтъ, отъ Вислицкаго Статута Казимира Великаго до конституціи 1588 г., встрѣчается какой нибудь десятокъ положеній о наслѣдованіи,—положеній къ тому же бѣдныхъ по содержанію и противорѣчивыхъ по цѣлямъ. Не имѣя возможности, поэтому, представить внутреннюю борьбу старославянскаго принципа неограниченнаго наслѣдованія съ ограниченіями его со стороны власти въ виду высшихъ государственныхъ цѣлей, мы можемъ лишь констатировать въ конституціи 1588 г. побѣду того начала, которое уже въ XIV вѣкѣ нашло себѣ мѣсто въ законодательствѣ Казимира Великаго: „Въ силу несправедливаго обычая,—говоритъ онъ,—послѣ смерти крестьянъ и иныхъ людей простаго званія, не оставившихъ нисходящаго потомства, все ихъ имущество движимое

делу третого, гдѣ пишутъ: ижъ по смерти отцовъ и матокъ, дѣти, сынове, дочки, отъ отчима и материна отдалены быти не мають, але они сами и ихъ щадки властине, кровные и близкіе правомъ приржоннымъ осегнути мають“.

и недвижимое, подъ названіемъ „пущизны“, присваиваютъ себѣ ихъ господа. Почитая такой обычай за несправедливый и неразумный, опредѣляемъ, чтобы изъ имущества такихъ покойниковъ выдѣляемъ былъ въ даръ приходской церкви кубокъ цѣною въ 1½ марки, буде таковой окажется между оставшимися вещами, все же *остальное* поступаетъ безпрепятственно къ родственникамъ отца (*consanguineos*) или же родственникамъ по матери (*affines*), какъ того требуетъ правда и справедливость“¹⁾).

Двухвѣковое колебаніе законодательства возвратило его вновь къ указанному королемъ Казиміромъ *справедливому и разумному принципу*: конституція 1588 г. устанавливаетъ наслѣдованіе по закону въ обѣихъ боковыхъ линіяхъ, ограничивая только его восьмью степеню.

Принимая во вниманіе, что третья редація Литовскаго Статута произошла въ тотъ же промежутокъ времени, въ которой одержалъ и въ Польшѣ побѣду принципъ наслѣдованія въ обѣихъ линіяхъ, что Литовскій Статутъ былъ разсматриваемъ и утвержденъ на томъ же самомъ сеймѣ, на которомъ издана была для Польши конституція 1588 г., мы, конечно, въ правѣ утверждать, что въ томъ случаѣ, когда какой либо изъ литовскихъ судей, находя неяснымъ распоряженіе 17 арт., III разд., обратился бы къ польскому законодательству, то онъ долженъ былъ бы истолковать распоряженіе 17-го артикула въ смыслѣ *неограниченнаго права наслѣдованія въ обѣихъ линіяхъ*, такъ какъ этотъ принципъ съ безусловною опредѣленностью выраженъ въ конституціи 1588 г., а во всемъ Литовскомъ Статутѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на ограниченіе наслѣдованія: какою бы то ни было степеню.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ случаѣ, когда судья прибѣгнулъ бы для истолкованія 17-го артикула къ другимъ источникамъ иноземнаго права, имѣвшимъ вліяніе на Литовскій Статутъ. Источниками этими были, какъ мы видѣли, права: каноническое, магдебургское и саксонское.

Но всѣ источники, отличаясь другъ отъ друга въ подробностяхъ, полагаютъ въ основаніи своихъ опредѣленій о наслѣдованіи знаменитую Новеллу 118, признающую наслѣдованіе боковыхъ въ обѣихъ линіяхъ.

С. Вершадский.

¹⁾ Vol. leg., t. I, f. 24, f. 1947 г.